

НЛИПИНА

Бабушка
Андрюша

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1926

КНИГИ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ И ПИОНЕРОВ

Младший и средний возраст.

- Акульшин, Р.** Охотники. Рассказы. Рисунки А. Рыбникова. (Новая детская библиотека. Мл. и средн. возраст.) Стр. 37. Ц. 20 к.
- Ауслендер, С.** Будет готов. Рассказ. Рисунки Л. Критской. Стр. 44. Ц. 25 к.
- Ауслендер, С.** Малыши. Рассказы З. Гурвич. (Новая детская библиотека. Мл. возраст.) Стр. 132. Ц. 50 к.
- Ауслендер, С.** Ромка. Сибирский рассказ. Рисунки С. Герасимова. Изд. 2-е. Стр. 36. Ц. 15 к.
- Ауслендер, С.** Случай на море. Рассказ. Рисунки В. Голицына. Стр. 45. Ц. 25 к.
- Барто, А.** Китайченоч Ван-Ли. Мишка-Воришка. Рисунки П. Алякринского. (Новая детская библиотека. Младш. возраст.) Стр. 18. Ц. 25 к.
- Вамба.** Хвостик. Повесть из жизни муравьев. Перевод с итальянского под редакцией А. Н. Толстого. Со многими рисунками. Стр. 176. Ц. 75 к.
- Васильева, Е. И.** Человек с луны (Миклуха-Маклай). Рисунки В. Владимирова. Стр. 64. Ц. 65 к.
- Гершензон, М. А.** Сказка о железном великане. Рисунки В. Ковальцига. Стр. 14. Ц. 35 к.
- Детям о Ленине.** Составлена Институтом Детского Чтения, под редакцией А. Г. Кравченко. Рисунки Б. Кустодиева. Стр. 72. Ц. 1 р. 50 к.
- Данько, Елена.** Настоящий пионер. Рисунки Б. Кустодиева. Стр. 14. Ц. 15 к.
- Дмитриева, В.** Малыш и Жучка. Стр. 23. Ц. 25 к.
- Жук, Ольга.** Новые огни. Стихи. Рисунки И. Рерберг. (Новая детская библиотека. Средний возраст.) Стр. 24. Ц. 30 к.
- Залка, М.** Бунт. Рассказ. Рисунки Виталия Вермель. (Новая детская библиотека. Младший и средний возраст.) Стр. 32. Ц. 15 к.
- Замойский, П.** В деревне. Рассказы для детей. Рисунки В. Вермеля. (Новая детская библиотека. Младш. возраст.) Стр. 27. Ц. 20 к.
- Замойский, П.** Куделя. Рассказы. Рисунки С. Герасимова. (Новая детская библиотека. Младш. возраст.) Стр. 32. Ц. 20 к.
- Замойский, П.** Озорник шатуний. Рассказы. Рисунки С. Герасимова. (Новая детская библиотека. Младш. возраст.) Стр. 32. Ц. 25 к.
- Замойский, П.** Первый сноп. Рассказы. С рисунками Н. Симонович-Ефимовой. (Новая детская библиотека. Младш. и средний возраст.) Стр. 40. Ц. 20 к.

на дом не выдается

НОВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ

Л-612

Н. ЛИПИНА

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

БАБУШКА АНДРЮША

РАССКАЗЫ

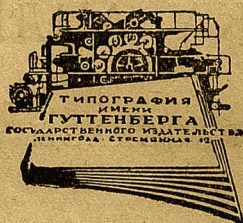
РИСУНКИ А. МАНУЙЛОВА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1926 — ЛЕНИНГРАД

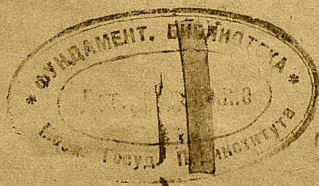
Б
Л-613 н.б

23844

1967-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТСКОГО

Гиз № 16154.

Ленинградский Гублит № 10046.

64, л. — 10.000 экз.

672494 ред

Российская государственная
детская библиотека

БАБУШКА АНДРЮША

Андрюша быстро шел домой по узкой тропинке, протоптанной среди снежного поля. Снег поскрипывал под валенками, искрился, блестел и отливал розовым светом под косыми лучами заходящего солнца.

Шапка спустилась у Андрюши до глаз, а снизу, сюда же, подходил воротник, так что только через узенькую щелочку выглядывали веселые, круглые, черные глаза.

„Ну, скорей-рей-рей, поспевай-вай-вай! Ну, скорей-рей-рей, поспевай-вай-вай!“ — мысленно подпевал Андрюша и шел все быстрее и быстрее.

Он не был дома со вчерашнего утра. Ушел в школу, а после школы пошел к Наде Зверевой и до поздней ночи клеил с ней головы животных

для спектакля в школе. Так у Зверевых и ночевал. И сегодня задержался в школе. Примеряли после уроков головы. Теперь надо домой: есть хочется, а дома бабушка уж обязательно ждет с горячим обедом.

Андрюша облизнулся и еще веселее замурлыкал: „Ну, скорей-рей-рей, поспевай-вай-вай“. Ноги так и несли его вприпрыжку к небольшому домику, стоявшему на опушке леса.

„Огня в окнах не видать; должно быть, бабушка сумерничает“. Андрюше представилась бабушка: она сидит с чулком, вяжет, немного раскачивается и нараспев говорит длинную сказку (а может-быть, и правду? — не разберешь) про старое жите. Настя с Сережкой сидят около нее: Сережа добросовестно слушает, а Настя дремлет или возится с куклой.

„Ну, скорей-рей-рей“... Вот и пришел!

Андрюша скользнул в калитку, взбежал на крыльцо и начал отряхать снег с валенок. Его встретила веселым лаем маленькая лохматая Буська, а из хлева донеслось протяжное, негромкое мычание Красавки. Вот сейчас он войдет в кухню, услышит тихий ласковый голос: „Ты, что ли, Андрюшенька?“ и навстречу ему зашуршат по полу мягкие шлепанцы бабушки. Андрюша распахнул дверь в кухню, но, вместо ласкового голоса бабушки, услышал из соседней комнаты испуганный, звенящий от слез тонкий голос Сережи.

— Кто там? ой, кто там?

— Что ты? Да это я! — откликнулся Андрюша. Он оглянулся, и ему сразу стало не по себе. Было пусто, темно, холодно и страшно тихо. Он прошел в комнату — с кровати навстречу к нему слезал Сережа, путаясь в бабушкиной шали.

— Где бабушка? — испуганно спросил Андрюша.

— Папа с Тимофеем Ивановичем увезли ее... утром... на больших санках, на которых мы все вместе катаемся...

— Куда увез? почему? — не понимая, тревожно спросил Андрюша.

— В больницу... в Ивашино...

— Что с ней?

— Она подоила Красавку, шла с молоком по двору, и знаешь, где корыто стоит для кур, — около двери в сарай?

— Да ты скажи, что с бабушкой-то? — потерял терпение Андрюша.

— С бабушкой? — она упала, и у нее нога... я не знаю что... Она все стонала и не могла идти. Папа ее принес на руках со двора, одел, положил на сани и увез. Мне холодно, я есть хочу, мне страшно! — и вдруг Сережа кончил свой рассказ горькими слезами.

— Мы с Настей плакали... Папа нам оставил хлеба и молока... Потом мы играли... а потом очень озябли и хотели супу, и опять все пла-

кали... Настя уснула, а я сидел. Темно, и мне очень страшно!

— Ну, не плачь, не плачь, сейчас сделаю тепло и светло, — уговаривал Андрюша. Ему и самому стало сразу и холодно, и страшно, но он понимал, что сейчас нужно позаботиться о малышах. Бабушка захворала, папы нет — надо приняться за дело самому.

Прежде всего Андрюша зажег в комнате и в кухне лампы. На свету сразу стало легче. Затем он сбегал за дровами, и через несколько минут в подтопке уже пылали и потрескивали сухие дрова.

„Что же дальше? Теперь надо скорее приготовить поесть чего-нибудь горячего!“ Андрюша пошел в чулан, осмотрел шкап — ничего готового не было. Печь не топлена: видно, бабушка не успела затопить, а папа заторопился увезти ее.

Только и нашел холодную вареную картошку.

Андрюша никогда в жизни не готовил — придется! Учительница Александра Павловна часто говорит: „умный человек сумеет все сделать, коли захочет“ — а он хочет: дураком себя не считает. Ему скоро тринадцать лет: значит, он не ребенок.

— Сделаю суп молочный и картошки поджарю, — решил Андрюша. Засадил Сережу резать картошку, а сам поставил самовар, потом налил в кастрюлю молоко и поставил в подтопке перед огнем.

— Сейчас суп молочный будет!—ободряет он Сережу.

— С лапшой?

— Ну, лапшу я, братец, делать не умею!

— С рисом?

— Это можно!

Достал Андрюша рису из шкапа, но сколько его положить — не знает.

— А ты, Сережа, не знаешь, сколько его класть?

— Не знаю...

— И я не знаю... А знаешь, мы лучше сделаем с булкой: просто намочим в горячем молоке кусочки булки.

Сережа одобрил план.

Проснулась Настя, затинула: — Ба-а-бушка!

Мальчикам очень некогда: один картошку чистит, другой следит, чтобы молоко не ушло. От печки оба Настю уговаривают:

— Вставай, Настенька! Сейчас суп с булкой кушать будешь!

Настя вылезла из-под груды наваленной на нее Сережей одежды и засеменила к братьям. Ей было всего четыре года, и она была общей баловницей.

— Супу хочу! Давай супу!

Суп с булкой очень вкусный. Самовар весело шумит. На столе творог, масло, сметана, и все трое уписывают за обе щеки.

— У нас сегодня весь обед Красавкин, — решил Сережа. — Все, что она дает.

— Нет, погоди, будет и не ее. Я сейчас картошку поджарю. Тащи сковородку!

Сережа принес сковородку, и началось совещание поваров. Сколько надо масла? Что класть вперед? Нужно ли раньше сковородку нагреть? Настя тоже принимала участие и давала советы.

— Нужно сахару положить! Соли не надо, сахару надо!

Этот совет отвергли, а вот, что про соль она напомнила, поблагодарили. Сковорода с картошкой уже давно стоит на раскаленных углях, все трое ребят смотрят на нее, точно под их взглядами она лучше зарумянится. Андрюша то и дело мешает ее осторожно ножом, и руки у него немного трясутся: ведь, страшно! Надо, чтобы обязательно вышло хорошо! Он сейчас хозяин!

Хлопнула входная дверь. Все трое забыли сразу про картошку и бросились навстречу отцу.

— Что бабушка? — с тревогой спрашивает Андрюша.

— Да плохо, ребята, сломала она ногу-то. Придется полежать несколько недель в больнице.

— А как же мы? — недоумевает Сережа.

Папа только вздохнул и прижал к себе маленькую Настю.

— Вы, бедняжки, в холоде да в голоде сегодня! Мне нельзя было из больницы вернуться: пришлось на фабрику зайти.

— Нет, папа, нет,— наперерыв протестовали малыши.— Нас Андрюша накормил и печку истопил. А сейчас будем картошку есть.

Батюшки, про картошку-то Андрюша и забыл! Он бросился в комнату к подтопку,— конечно, добрая доля картошки подгорела. Вот беда! Андрюше было так обидно, что хоть реветь так в пору. Но Григорий Никанорович был очень доволен—он с удовольствием пил чай; ел, похваливая, подгорелую картошку, уверял, что молочный суп с булкой—прекрасный суп, гораздо лучше лапши.

Видимо, того же мнения держалась и кошка Мурка, которая получила порцию, и лохматая дворовая собачонка Буська с удовольствием уплела большую чашку черного хлеба, политого тоже теплым молоком.

— Эх, спасибо Красавке! Она сегодня вас, ребята, выручила — напоила, накормила,— обратил внимание и папа.— А уж ты, сынок, меня сегодня крепко порадовал,— обратился он к Андрюше.— Обо всех позаботился, обо всем подумал. Спасибо тебе, мой помощник!

Андрюша смущенно отвернул голову. Папа редко хвалил: его похвала дорогого стоит!

И вдруг его так и резнула неприятная мысль. Его хвалят, говорят: обо всех позаботился,— а он,

бессовестный, вспомнил и собаку, и кошку, а о кормилице — Красавке — забыл! Стоит, бедная, в грязи, в неубранном хлеву, не кормленная, не поенная. Ведь раз бабушка сломала ногу, как только подоила, значит, она и хлев убрать не успела.

Не говоря никому ни слова, он выскользнул в кухню, оделся, забрал фонарь и пошел в хлев. Красавка встретила его тихим мычанием и переступила на месте, шурша соломой. Свет фонаря скользнул по ней и осветил большие темные глаза, смотревшие неподвижным, кротким взглядом. Убирать хлев было для Андрюши дело привычное. Он работал уверенно и быстро.

— Ну, теперь чисто! Не будет стыдно, коли папа взойдет в хлев, — поделился с Красавкой своими мыслями Андрюша. Та одобрительно замычала и ткнула ему в руку холодным, мокрым носом.

— А ведь, пожалуй, тебя и доить пора, — вспомнил Андрюша. — Наверно, есть шесть часов. А кто же будет доить? Вот это так штука. Этого он не сумеет, — а умеет ли папа?

Вернулся Андрюша в избу, взглянул на часы. Было почти шесть часов.

— Папа, а ведь Красавку доить надо, — робко напомнил он, — кто же подоит-то ее?

Папа сумрачно ответил:

— Я, Андрюша, чуть не всех знакомых на фабрике обегал. Просил, не пойдет ли кто к нам

на время бабушкиной болезни пожить, за Красавкой походить, поготовить, похозяйничать. Никто не может. У всех свои заботы, хоть отбавляй. А кто по хозяйству не очень занят, те на фабрике работают. Горюшко наше, сынок!

— Как же быть? — спросил Андрюша.

— Сегодня и завтра утром уж я подою, как смогу; приходилось мне раньше доить-то... а днем опять поищу кого-нибудь.

— А если не найдешь?

— Ну, тогда продать коровушку придется.

— Что ты, разве можно? Бабушка ни за что не позволит. Она ее так любит!

— Знаю, что очень это плохо, да ведь ничего не поделаешь. Ходить к нам сюда за две версты доить никто не согласится, а ближе фабрики и жилья нет.

— Бабушка плакать будет! — вмешался в разговор Сережа. Папа только вздохнул.

— Ну, пойдем, Андрюша, посмотрим, даст ли нам Красавка молока?

— Даст, даст, — успокаивал Сережа, — бабушка всегда говорит, что она без норова, доить ее хорошо.

Начались сборы: Сережа ладил фонарь, Андрюша споласкивал подойник и приготавливал теплой воды — вымя подмыть. Отец мыл руки, грубые, мозолистые от ежедневного тяжелого труда. Он был машинистом на фабрике.

— Эх, не сладко будет Красавке от таких ручищ! — заметил он. — У бабушки руки мягкие.

Папа надел сверх полушубка бабушкин холщевый фартук.

Дома осталась только Настя, а трое мужчин двинулись на непривычное дело. Впереди Сережа с фонарем и маленькой скамеечкой, за ним Андрюша с теплой водой, а сзади всех папа с поддошником и полотенцем.

Красавка встретила их легким мычанием.

— Красавушка, умница! — ласково, ласково приговаривал Сережа, поглаживая крупную рыжую морду.

— Бабушка всегда говорит, что нужно быть с Красавкой поласковой, а то она молочка не даст, — шептал он.

Сережа лучше остальных знал все порядки по возне с коровой.

Григорий Никанорович возвращался с фабрики поздно. Бабушка старалась его не беспокоить хозяйством. Андрюша уходил в школу утром, возвращался часа в три. Дома он много читал, рисовал и помогал бабушке: дрова рубил и таскал, воду из колодца качал, лед скалывал, навоз убирал. Мальчик он был рослый и сильный. Стряпню, уборку, доение коровы — это правила бабушка. Сереже еще не было восьми лет, в школу он не ходил, помогал и еще больше мешал бабушке в ее возне. При доении он бывал всегда, так как

на его обязанности лежало держать фонарь и светить бабушке.

— Кабы у меня силы было побольше, я бы сам подоил, — сокрушался он, глядя, как неумело и неуверенно прилаживался отец к корове.

Григорий Никанорович обмыл вымя, обтер его и собирался уже доить.

— Постой, постой, — зашептал Сережа, хватая его за руки, — а ты что же вымя маслом не смазал? Сухой рукой нельзя. Бабушка говорила — вымя потрескается!

— Ну вот, а я и забыл! — смеялся и досадовал папа.

Андрюша сбегал за маслом. Намазал Григорий Никанорович вымя, поставил подойник и хотел начать.

— Что ты, что ты? — испугался Сережа. — Нельзя прямо в подойник! Надо сначала сседить на пол. Бабушка говорила — в сосках молоко стоит плохое!

— Фу, ты! Вот что значит — не за свое дело браться! Я даже вспотел, а еще и капли не надоил, — шутил Григорий Никанорович. Он сседил молоко.

— Ну, теперь можно, что ли?

— Можно! — ободрял, сам очень взволнованный, Сережа. Красавка беспокойно переминалась на месте и мотала головой.

— Красавушка, умница, коровушка моя добрая, — приговаривал Сережа, стараясь подражать

бабушкиному говору. О дно подойника зазвенели первые струйки молока.

Долго доил Григорий Никанорович. Красавка стояла терпеливо, только пофыркивала да помахивала головой и хвостом; Сережа уж устал с ней разговаривать, и рука с фонарем у него заочечелась. Андрюша стоял молча в стороне, внимательно смотрел и мысленно примеривался, — а не мог ли бы он подоить? Ему это вовсе не казалось трудным. Несколько товарищей — девочек по школе — доили. Неужели же он не сможет?

Наконец, все было кончено. Григорий Никанорович с трудом разогнул спину и едва встал. Трудно было с непривычки просидеть столько времени на низенькой скамеечке.

— Теперь пойдите, ребята, теплого молочка попейте!

Григорий Никанорович ушел в дом.

— Сегодня Андрюша нас кормил и поил, так теперь первая кружка парного молока ему! — сказал Григорий Никанорович, процеживая прямо в кружку теплое, пенящееся, душистое молоко.

Андрюша начал пить. От молока сильно пахло навозом.

„Наверно, папа не чисто вымыл вымя“, подумал он, но не сказал ни слова, чтобы не огорчить отца.

Сережа тоже пил молча, хотя и ему молоко показалось не очень хорошим. Но маленькая Настя заявила очень решительно:

— Молоко очень нехорошее, дай другого!

— Чем еще не хорошее? Что ты выдумываешь? Ребята, разве плохое молоко?

Мальчики промолчали.

— Да, — смущенно сознался Андрюша. — Оно пахнет навозом... так, немного!

Отец отхлебнул и должен был признаться, что дети правы.

— Отчего бы это? — удивлялся он. — Вымя я вымыл чисто, полотенце было свежее...

— В хлеву тоже было чисто, я его только что перед этим подмел, — добавил Андрюша.

— Вот в том-то и штука! Теперь я понял! — засмеялся папа, — мы с тобой, сынок, переусердствовали: нельзя мести коровник перед самым доением.

— Почему?

— Да, видишь ли: мелкие, незаметные частицы сухого навоза, как пыль, носятся в воздухе и не успевают осесть до доения. Вот они к нам в подойник и попали!

Андрюша совсем огорчился:

— А я хотел лучше сделать, чтобы чище было!

— Ну, не беда; если бы так не вышло, ты бы и не знал. Когда люди учатся, они непременно

ошибаются. Ведь вот, и я чуть не подоил без смазки и без сжеживания! Хорошо, что около меня стоял знаток-учитель.—Папа шутливо взъерошил вихор Сереже.

Молоко было процежено при участии всей семьи, и аккуратно завязанные белыми тряпочками кринки поставлены на окно за занавеску. Так всегда делала бабушка.

— Теперь надо попоить и Красавку, — сказал Григорий Никанорович. Он положил отрубей, картофельной шелухи, кусочки хлеба, остатки с тарелок, налил тепловатой воды.

— Несите, мальчики, попойте Красавку да потом покормите ее. Я устал от этой возни хуже, чем от машины на фабрике. Мы с Настенькой здесь газету читаем, — шутил он, поднимая на плечо Настю и отправляясь с ней в комнату.

Мальчики пошли.

— Кушай, Красавка, кушай, ты это любишь, — говорил Сережа.

Красавка попробовала и неохотно отвернула голову.

— Что, или холодная вода? — забеспокоились мальчики. — Да нет, вода не холодная!

— Ну, пей, коровушка! — но Красавка потянула немного и снова подняла голову. Она смотрела на мальчиков своими неподвижными громадными темными глазами и затаила тихое, дребезжащее — „му-у“.

— И что за штука?! Она всегда любила помои! Чего ей не хватает? — недоумевал Сережа.

Красавка упорно отказывалась пить. Пошли мальчики обратно, очень смущенные.

— Папа, она не хочет! Она не пьет!.. Ей не нравится!..

— Погоди-ка, — вспомнил Сережа, — а соли ты, папа, клал?

— Нет, не клал! Вот, опять неладно сделал! Эх, совсем ваш папа в бабушки не годится, — смеялся Григорий Никанорович.

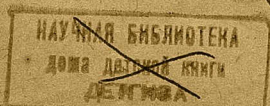
Подбавили соли, понесли ведро опять Красавке. Теперь она пила охотно, без просьб и уговоров.

— Ишь ты, к чему привыкла, того и требует. Коли помои, так соленные, а чистую воду и не соленую пьет, — шутил Григорий Никанорович, похлопывая корову по короткой сильной шее.

— Папа, а ведь соломы-то ей не запарили, — спохватился Сережа.

— Ничего, ребятки. Дай ей, Андрюша, сена, она не откажется.

Андрюша остался в хлеву: он повесил фонарь на стенку, дал Красавке сена и остановился, глядя, как захватывала она сено мягкими губами, а потом мотала головой, отчего сено отрывалось или вытягивалось из колоды. Мелкие частицы сена сыпались дождем к ее ногам; выдернутое сено Красавка втягивала в рот и медленно, неторопливо начинала жевать его.

— Неужели придется продать Красавку? — с тревогой вспомнил он папины слова. — Он вернулся очень задумчивым.

После непривычной возни все легли спать спозаранку. На утро Андрюша проснулся — еще темно было. Пробрался в кухню, чиркнул спичку — всего пять часов. Вставать рано, а уже не спится! Он вернулся на постель, закутался в одеяло и лежал, глядя на слегка вырисовывавшееся в темноте пятно окна. С ума не шла бабушка; наверно, она тоже проснулась. Она всегда вставала очень рано. Теперь лежит и думает о них, беспокоится о своей любимице Настюрке, о мальчиках, о папе, о Красавке, Буське и Мурке. Наверно, боится, что всем без нее плохо. Неужели придется продать Красавку? Нет, это невозможно! Этого нельзя допустить! Ему и Сереже будет жалко Красавку, а для бабушки это будет большое горе! Андрюше ясно представилась бабушка: маленькая, полная, с круглым розовым лицом в мелких-мелких морщинках, с белыми прядями волос, вечно выбивающимися из-под темной повязки; суетливая, веселая, ласковая старушка, с утра до ночи за работой. Она заботится о них, как мать, а ведь они ей совсем чужие!

Вспомнились Андрюше самые тяжелые дни, что пришлось ему пережить за его маленькую жизнь. Это было четыре года тому назад. Он с Сережей проснулись в комнате одни — не здесь,

а в казенном доме при фабрике. С вечера папа увез маму в больницу, потом вернулся, но рано утром опять ушел. Они встали одни; он помог одеться четырехлетнему Сереже, и оба сидели голодные, как вчера Настя и Сережа. Потом пришел папа; лицо у него было такое страшное, что даже сейчас, при воспоминании, у Андрюши сжимается сердце. Папа посмотрел на них как-то странно, сел за стол, обхватил голову руками и молчал. Они с Сережей начали тихонько плакать, но отец даже не обернулся. Потом в комнату вошла бабушка — тогда она была еще не бабушка, а просто тетенька, носившая им каждый день молоко. Она, верно, тоже знала что-то очень страшное, потому что глаза у нее были заплаканные, и она вытирала их кончиком своего головного платка. Она подошла к папе. Постояла около него, помолчала, а потом вдруг сняла полшубок, засучила рукава и сразу засуетилась, завозилась — затопила печку, начала убирать, стряпать, возиться с ребятами. От нее Андрюша узнал, что этой ночью мама умерла, оставив им маленькую сестренку. Сейчас сестренку кормит в больнице соседка вместе со своим ребенком, но скоро сестренка будет с ними. Стала чужая тетенька сразу для них „бабушкой“. Ходила к ним каждый день, все делала — и папа при ней не так горевал. А через несколько дней бабушка пришла и принесла какой-то маленький

свёрточек, в котором оказалась маленькая девочка, смешно раскрывавшая ротик, точно галчонок.

— Вот тебе, Григорий Никанорович, маленькая Настенька, — сказала она, — надо об ней подумать, как ее сохранить, как выходить. Брось горевать, надо о детях думать.

Долго говорила она папе, а потом бабушка сказала:

— Ну, вот что: надо вам ко мне переехать — мы с Красавкой ребят выходим: молока у нас вдоволь, воздух хороший и домишка для всех достаточный.

К обеду забрала Настю, за руку Сережу и отправилась с ними в свой домик. На другой день и Андрюша с напой перевезли вещи и перебрались жить на новое место — вот сюда, где живут и сейчас. Настя на Красавкином молоке выросла веселой, здоровой девочкой. Они все уже давно забыли, что бабушка им чужая, и живут все вместе дружно, одной семьей. И Красавка тоже им не чужая: она все время живет с ними. „Нельзя ее продать!“ твердо решил Андрюша.

Когда Григорий Никанорович проснулся, Андрюша твердо и уверенно сказал ему:

— Папа, коли не найдешь никого за Красавкой ходить, — не беда: я буду за ней ходить, выучусь доить и все другое делать... Вон, Миша Шмырин говорил, что он иногда доит, а Катя

Шмырина и Агаша Белова всегда за коровой ходят... я, наверно, сумею!

— Да ведь тебе в школу ходить надо!

— Не беда — пропущу две недели, а там у нас на две недели перерыв. К концу-то перерыва, может быть, и бабушка поправится!

— Папа, мы сумеем, мы сумеем. Я все знаю, как бабушка делает, — просил и Сережа. — Я буду Андрюше говорить, а он делать. Я все знаю... у меня только руки маленькие... А то бы я все сам. Я только не знаю, как она чулки вяжет, а другое я все знаю.

— Ну, попробуйте! — с некоторым сомнением сказал Григорий Никанорович.

Опять, как вчера, все трое пошли доить, но на этот раз папа смотрел, а Андрюша доил.

— Ты возьми соски в кулаки... выше, выше... под самое вымя, два зараз, — учил Григорий Никанорович. — Немного подожми снизу вверх, а теперь начинай выжимать сверху вниз... Вот, вот, правильно.

Сначала Андрюше показалось не трудно: молоко выступало легко и лилось ровными струйками. Но чем дальше, тем становилось труднее: молоко выдаивалось с трудом, руки начали гореть, пальцы затекли, на лбу от усилий выступил пот.

— Что, трудно, Андрюша?

— Нет, папа, ничего, — храбрился Андрюша, — видишь, уже сколько надоил!

— У тебя все-таки много лучше дело идет, чем вчера у меня,—ободрял его отец.— Из тебя лучшая бабушка выйдет, чем из меня.

Руки у Андрюши так устали, что он не мог даже поднять подойник.

— Ничего, это с непривычки,—уверял он.— Привыкну, так не буду уставать.

— Процедили молоко — вышло две полных кринки да еще полстакана.

— Недодоил!—заявил Сережа,—утром должно быть две кринки и еще вон тот молочник, а иногда и еще больше.

— Да я все выдоил, там больше ни капельки не было,—оправдывался Андрюша. Он знал, что обязательно надо выдаивать до конца, а то корова станет меньше молока давать.

— А я хорошо знаю, что молочник всегда утром полный,—настаивал Сережа.

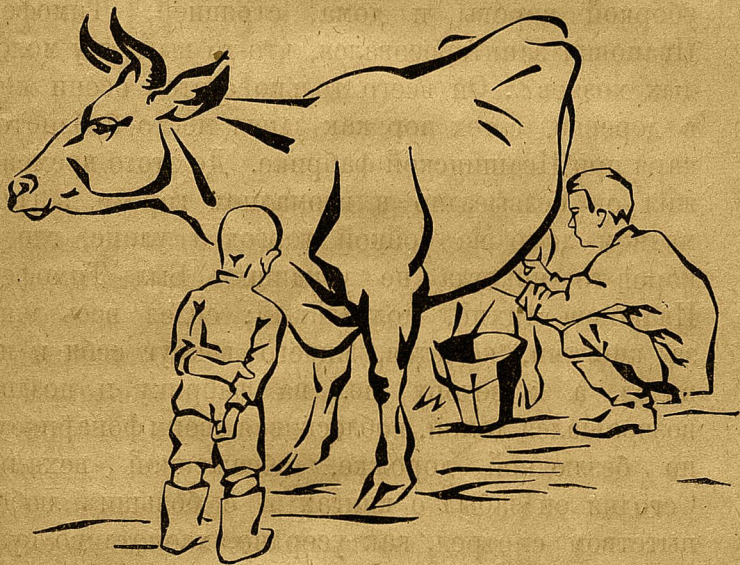
— Не беспокойся, Андрюша,—уговаривал отец,—это просто Красавка, наверно, меньше дала, ведь, прежде всего, мы вчера очень плохо о ней заботились. За весь день ни разу не поили, да, кроме того, корова привыкает к одним рукам. Если начнут доить другие, да еще такие умелые, как мы с тобой, то она дает молока меньше. Привыкнете вы друг к другу, и молочник будет полный!

На разговоры в кухне вышел из своей каморки и Тимофей Иванович, молодой библиотекарь

с фабрики, снимавший у бабушки маленькую комнату. Сережа рассказал ему, что теперь Андрюша будет „бабушкой“, пока у настоящей бабушки не заживет нога.

— Я что не знаю, вас буду спрашивать, — говорил Андрюша, — и про корову и про стряпню.

— Вот, как лапшу делать и сколько рису надо в суп класть, — сейчас же пояснил на примере Сережа.

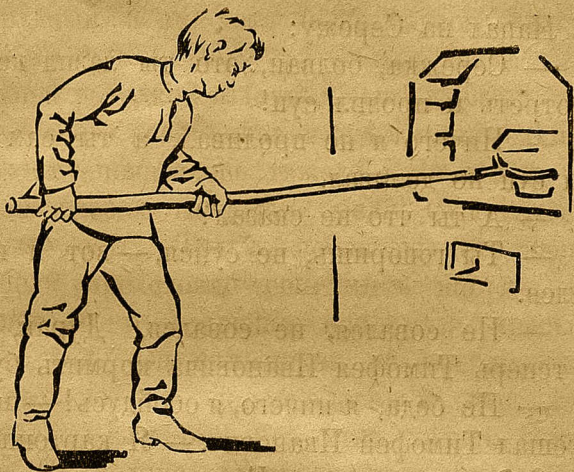
— Да я, братцы мои, и сам ничего не знаю! Ну, я принесу из библиотеки книг, и по ним мы

с вами настоящее хозяйство разведем, — шутил он, — а пока лучше у отца спрашивайте!

Для первого дня хозяйничанья Григорий Никанорович сам приготовил в чугуне все для супа и велел только поставить в печь.

— На второе зажарь картошки, положи в плошку очищенную и нарезанную и залей сметаной; хлеба я принесу печеного из кооператива.

Отец ушел, а у детей пошла возня с печкой, уборкой коровы и дома, стряпней. Тимофей Иванович заинтересовался, что-то выйдет у молодых хозяев?.. Он всего только с этой осени жил в деревне, с тех пор как занял место библиотекаря при Ивашинской фабрике. До этого времени жил он безвыездно в громадном городе, в громадном доме на бойкой торговой улице, где и коров-то никогда не увидишь. Был Тимофей Иванович тихий, молчаливый; сидел весь день за книгами, кажется, ничего вокруг себя и не видел, а к вечеру шел на фабрику и поздно возвращался домой, поблескивая своим фонариком, по безлюдной дорожке, обсаженной вежами. Сегодня он забыл о книгах и с большим любопытством смотрел, как усердно, хлопотливо суетились Андрюша и Сережа. Мальчики то и дело ссорились: Сережа все делал замечания и пытался руководить работой, как более знакомый с домашними делами, а Андрюша обижался, считая себя, как старшего, более сведущим.

В случае какой-нибудь неудачи мальчики старались свалить вину друг на друга. Маленькая Настя ужасно мешала. Никогда раньше не замечали братья, что сестра требует так много внимания. Время не шло, а прямо-таки летело, и Андрюша не успел оглянуться, как уже подошло время к четырем часам. Надо было накормить обедом Тимофея Ивановича и ребяташек. Вынул Андрюша из печки чугуны. Батюшки, а там супу-то только на доньшке!

Напал на Сережу:

— Сережка, болван, это ты лазил картошку смотреть и пролил суп!

— Ничего я не проливал, а ты сам болван. Ты суп не доливал.

— А ты что не сказал?

— Ты говоришь, не суйся, — вот я и не совался.

— Не совался, не совался. Дурак, чем же я теперь Тимофея Ивановича кормить буду?

— Не беда, я ничего, я обойдусь! — поспешно утешал Тимофей Иванович. — Я картошки поем.

Опять выручила Красавка по-вчерашнему. Вместо супа пошло теплое молоко с хлебом, а картошка была, в самом деле, хоть куда.

Суп долили водой и снова поставили в печку. К приходу папы чуть-чуть успели управиться. У Андрюши все вертелось перед глазами от сутолоки.

— Бабушка кланяться велела. Я заходил к ней во время перерыва, — прежде всего сообщил папа. — Она очень беспокоится о Красавке и все рассказывала мне, как и что с ней делать нужно. Я все теперь знаю.

Дети наперерыв рассказывали отцу о своих удачах и неудачах.

— А я так и не мог никого найти, — сокрушался Григорий Никанорович. — Верно, уже придется вам поработать. Что же, первый день —

самый трудный, а он, хоть и не совсем гладко, а все же прошел.

Андрюша украдкой вздохнул. Он надеялся, что первый день его хозяйничанья будет и последним. Очень уж ему показалось тяжело. Но вслух он ничего не сказал и подал обед. Суп совсем нельзя было есть. Только поели из него мяса. После обеда предстояло еще мыть посуду: за день возни ее у Андрюши накопился полный кухонный стол. Он сам никак не мог понять, откуда столько ее понабралось и кто это ее выпачкал. Ели они без отца только хлеб с маслом да молоко, стряпали мало, а посуду всю перепачкали, что была на кухне. Уж за посуду принялся сам Григорий Никанорович, потому что Андрюше надо было еще готовить корм к вечеру. Красавке—бабушка наказала—на ночь обязательно давать запаренной соломы. Приготовлять солому Андрюша умел—это ведь ему приходилось делать. Наложил он в громадное корыто соломы и начал ее рубить топором; потом сложил резку в кадушку, залил горячей водой и закрыл крышкой, чтобы погрела.

Пока „старшие“ (Андрюша уже шел за старшего) работали, маленькие наладили игру. Настя больше всего любила играть в куклы, Сережа всегда уверял, что терпеть не может этой игры, а на самом деле играл с немалым удовольствием.

При этих играх Настя всегда была „бабушкой“, а куклы детьми. Настя не знала мамы, а потому в маму и не играла. Сережа решил на этот раз быть лавочником, продавать бабушке всякие товары.

Прежде всего Сережа принялся наряжаться сам и наряжать Настю. Он надел отцовскую шапку, подпоясался Андрюшиным кушаком, надел на валенки бабушкины калоши и заткнул за ухо карандаш, как это делал приказчик в их кооперативной лавке. На Настю он надел бабушкину кофту, доходившую ей до полу, перевязал вместо пояса полотенцем, подвязал голову платком. Из-под платка свешивались темные волосы, завивавшиеся почти как у бабушки.

— Эх, волосы у тебя не настоящие, — жалел Сережа, — че-е-рные! а у бабушек должны быть, как сметана.

Он подумал немного и вдруг решил:

— Давай, я их тебе намажу сметаной, тогда будут взавправдашные.

Настя согласилась, ей любо.

И не видели старшие, как Сережа залез на полку, достал горшок с остатками сметаны и начал усердно соскабливать сметану со стенок пальцами (а за ним и Настя).

— Ничего не выходит! — с горестью прошептал он Насте, — почему-то волосы только масленные, а белые не делаются, и еще темнее.

Сметана была уже размазана и по лицу Насти, а во рту и у брата и у сестры поочередно побывали все 10 пальцев.

— Пстой, я сейчас мукой присыплю, — тогда побелеют! — сказал Сережа, и мигом слетал в чулан за горсточкой муки.

Через несколько минут побелели не только волосы Насти, но и лицо, плечи, бабушкина кофта и весь пол вокруг.

Тут только обернулся Григорий Никанорович. Сереже досталась головомойка, да и Насте тоже, только ей уж по-настоящему, с горячей водой и мылом.

Тем временем Андрюша приготовил корм, глядь — уже и доить пора. Ой, как не хотелось итти доить! как больно будет опять рукам, как занает согнутая спина!

К удивлению, на этот раз дело пошло много лучше. Андрюша сам себе не верил, когда увидел, как быстро наполнилась дойница и как быстро вымя спало и уменьшилось. Он даже почти не устал.

Когда, наконец, вся возня была кончена, Андрияша залез на кровать. Теперь он почувствовал страшную усталость во всем теле и с удовольствием вытянулся. Он смотрел на читавшего отца и перебирал в памяти все, что ему пришлось сегодня делать. Он очень многое делал так, а не иначе, только потому, что так велел Сережа, или потому, что так делала бабушка. Но ему теперь хотелось узнать — почему?

— Папа, а почему... — начал было он. Отец обернулся к нему.

— погоди, Андрияша, сейчас я дочитаю статью в газете, тогда поговорим.

Но пока он дочитывал, Андрияша уже крепко заснул, одетый, не дождавшись ужина. Отец не разбудил его, и он так проспал до утра.

Проснулся Андрияша очень рано. Начал вспоминать все, что было вчера. Ему казалось, что это был не обыкновенный день, а длинный-длинный, точно месяц, и сам он как-будто сразу вырос.

Третьего дня он был маленький, знавший только свое ученье. Хотя раньше и делал много в доме, но только всегда по указке бабушки, а о том, что из его работы получится, он мало думал. Вчера он сразу стал „работником“, хозяином своей работы, отвечающим за то, как она сделана. Но если он отвечает, то он хочет понять, зачем нужно делать так, а не иначе,

почему происходит то или иное. Зачем? Почему? Он приготовил много вопросов, которые задаст отцу.

Но Андрюше не пришлось задать никаких вопросов: отец проспал и очень торопился; он только наскоро сказал Андрюше, как приготовить суп, да велел сварить кашу. Опять завертелось, закружилось колесо. Пошла спешная, суетливая работа.

Настя так под ноги и лезет — беда прямо! Один раз чуть на горячий самовар не наскочила, когда его Андрюша на стол нес. Другой раз толкнула под руку, когда чугу́н подцепил ухватом, так что суп весь чуть не вылил. Сережка хоть помогает, но часто тоже мешает. Наконец, Андрюша не вытерпел:

— Хоть бы ты поиграл с Настюшкой, Сергей! Только уж не в бабушку.

— Да во что с ней играть-то? С ней скучно, она в хорошие игры не понимает. И некогда мне: чай, ты один-то не справишься!

Так и не пошел играть, а на приставаания Насти обещал, что к вечеру поиграет.

Вышел Тимофёй Иванович, посматривает он и рад бы помочь, да совсем не знает, как ему за дело-то взяться, хуже Сережи. Попробовал картошку чистить, так и то не умеет — делает медленно-медленно и срезает очень много; сам видит, что плохо, и извиняется:

— Я, — говорит, — никогда ведь не готовил!

Андрюша удивляется: какой умный в другом, все понимает — сколько раз он Андрюше рассказывал много интересного про чужие страны, про других людей, про давно минувшее время, — а тут вот ничего не знает! И вдруг Тимофей Иванович стал давать советы:

— Ты, Андрюша, мясо вынь из воды. Его только вымыть надо, а не мочить, а то вся кровь в воду уйдет, а в крови много питательного.

Андрюша смотрел с недоверием.

— Ты чего так смотришь? Не веришь? А ты отрежь маленький кусочек и оставь его в воде на несколько часов. Посмотри, что будет.

Андрюша, положил кусочек мяса в чашку и поставил на окно. В самом деле, интересно, что получится!

— Ты, Андрюша, напрасно молоко парное в комнате оставил. Надо его остудить скорее, а то в теплом молоке очень хорошо бактериям живется, а от бактерий молоко скиснет.

Андрюша смотрел на Тимофея Ивановича с удивлением.

— Как же это, Тимофей Иванович, ведь вы ничего не умеете, ничего никогда не делали, а вот про кровь да бактерий знаете?

— Так это я из книг!

— А разве про такие дела маленькие есть книги?

— Это дела не маленькие, а очень большие, и книг о них есть много. На то, чтобы делать, у меня руки не привыкли, а чтобы понять — головы хватает.

Андрюша молоко вынес, а сам опять к Тимофею Ивановичу.

— А чего же это в крови питательное? Ведь она жидкая, в ней ничего нет?

— Вот тебе на! да кровь-то зачем в тебе или в корове бегают?

— Чтобы разносить кислород... и пищу, — сконфуженно добавил Андрюша. Он вспомнил теперь, что пища переходит в кровь, и ему стало стыдно за свою забывчивость: ведь об этом в школе говорили. Чтобы отвлечь внимание Тимофея Ивановича, он поскорее задал еще вопрос:

— А почему от бактерий молоко киснет? Видишь ли, в молоке есть разные вещества: больше всего в нем воды, а в воде есть жир.

— Жир? Как жир?

— А масло? Ведь из молока масло делают. Посмотри на топленое молоко, там прямо поверху каплями масло плавает.

— Ну, ладно, — жир, продолжайте дальше.

— Потом в молоке есть еще такое вещество, которое называется казеин. Оно в свежем молоке расходуется, а если прибавить кислоты, делается тверже, плотнее и садится на дно.

— Это, значит, простокваша?

— Вот, вот,—подтвердил Тимофей Иванович.— Потом в молоке есть еще сахар. Он, конечно, растворен.

— Как сахар? обыкновенный сахар?— заинтересовался и Сережа.

— Не совсем такой, но похожий на него. Его так и называют — молочным сахаром,— продолжал Тимофей Иванович.

— А почему же молоко не сладкое?— спросил Сережа.

— Потому что сахару в нем немного,— пояснил Тимофей Иванович.— Вот теперь мы добираемся до дела: бактерии этот сахар — ну, как бы сказать?— портят: они его переделывают в кислоту, а уже от кислоты казеин свертывается.

— Значит, все равно, что сметаны кислой подбавить, что уксусу, что бактерий: и так и этот молоко скиснет?

— Ну, да!

— А иногда молоко кислое, а простокваша не делается,— усомнился Андрюша.

— Просто, не успел казеин сесть,— подожди немного и...

Но Тимофей Иванович не успел докончить: повара слушали его, открывши рот, а в печке молоко тем временем часть своей воды, жира, казеина и сахара выплеснуло из кастрюли.

— Батюшки, проворонили! — сокрушался Андрюша, вынимая из печки кастрюлю.

Выплеснутое молоко дымилось и образовало черное пятно.

— А почему же молоко почернело? — спросил Сережа.

— Когда дрова горят, они сначала превращаются в уголь, — так и молоко: в уголь превращаются и жир, и казеин, и сахар. А немного погодя, этот уголь сгорит, как и уголь от дров в печке, и останется только чуточку золы, — пояснял Тимофей Иванович. — Я забыл сказать, что в молоке всегда есть еще немного таких веществ, которые не горят и остаются в виде золы, — их так и можно называть — „зольные“. Однако, я лучше уйду, а то мы опять заговоримся, и вы что-нибудь прозеваετε.

— А про что это Тимофей Иванович говорил? — я не понял: какие это бантерии в молоке живут? Я никогда не видел, — спросил Сережа.

— Не бантерии, а бактерии, — поправляет Андрюша, — их не увидишь, они такие мелкие.

— А коли не увидишь, так откуда Тимофей Иванович знает, что они есть? может быть, и нет никаких, — недоверчиво говорит Сережа.

— Есть такие трубки со стеклами. Через нее посмотришь, и все видно гораздо крупнее, чем на самом деле... Понимаешь, смотришь на блоху, а она, как таракан, кажется.

— А если на Мурку посмотреть, она покажется как Красавка? — удивленно спрашивает Сережа.

— На Мурку нельзя; тут только то видно, что под маленькое стеклышко положить можно, — поясняет Андрюша. — Так вот, положат под стеклышко каплю кислого молока, а в нем много-много видно малюсеньких таких шеверюшек, а они живые, двигаются.

— С ногами?

— Нет, без ног — так, в роде как палочки или шарики, а плывут или ползают.

— И видно?

— Видно.

— Здорово! Вот бы посмотреть!

— Я бы и сам-то посмотрел, да у нас в школе этой трубки нет.

— Жаль! — и оба мальчика вздохнули.

— Постой-ка! А как же мы простоквашу едим, коли в ней эти самые бактерии ползают?

— Это не беда, они не вредные, они там... Пойдем, спросим Тимофея Ивановича, что они — в нас живут, или сразу во рту умирают.

Опять прервали работу, стучат к Тимофееву Ивановичу в комнату.

— Тимофей Иванович, а бактерии, которые сахар в кислоту переделывают, в нас живут, коли мы кислое молоко съедем?

— Живут.

Серее даже страшно делается, ему представляется, как у него в животе плавают и ползают какие-то шеверюшки.

— Не буду больше никогда простоквашу есть, — решает он.

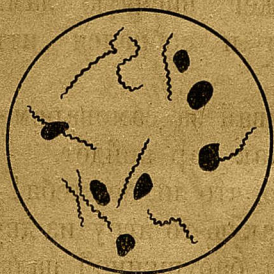
Но Тимофей Иванович совсем иначе думает: он уверяет, что это очень хорошо, если такие бактерии живут в животе. Только польза от этого, и потому простоквашу есть надо.

— А вы все-таки проваливайте теперь к себе, а то опять из-за разговоров беда наделается в печке.

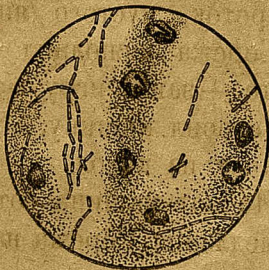
— Давай-ка постараемся управиться со всеми делами поскорее, пойдем к Тимофею Ивановичу —

он нам еще что-нибудь интересное расскажет, пока папы нет.

Сегодня хозяйство шло много лучше, и оста-

БАКТЕРИИ

лось свободное время. Но, увы, Тимофей Иванович сегодня должен был уйти раньше на собрание и не мог ничего рассказать.

— Знаешь что? — предложил он Андрюше, — ты запиши все, что тебе непонятно за сегодняшний день на бумажке и положи мне в комнате на стол, а я завтра, что могу, объясню.

Сережа и Настя ушли играть на улицу, а Андрюша сел за стол, взял бумажку и старался вспомнить, о чем нужно спросить Тимофея Ивановича. Странно: много надо было спросить, а вот теперь не вспомнит. Только и записал два вопроса: 1) Почему надо сдаивать на пол? 2) Зачем горшок после молока в печке жарят?

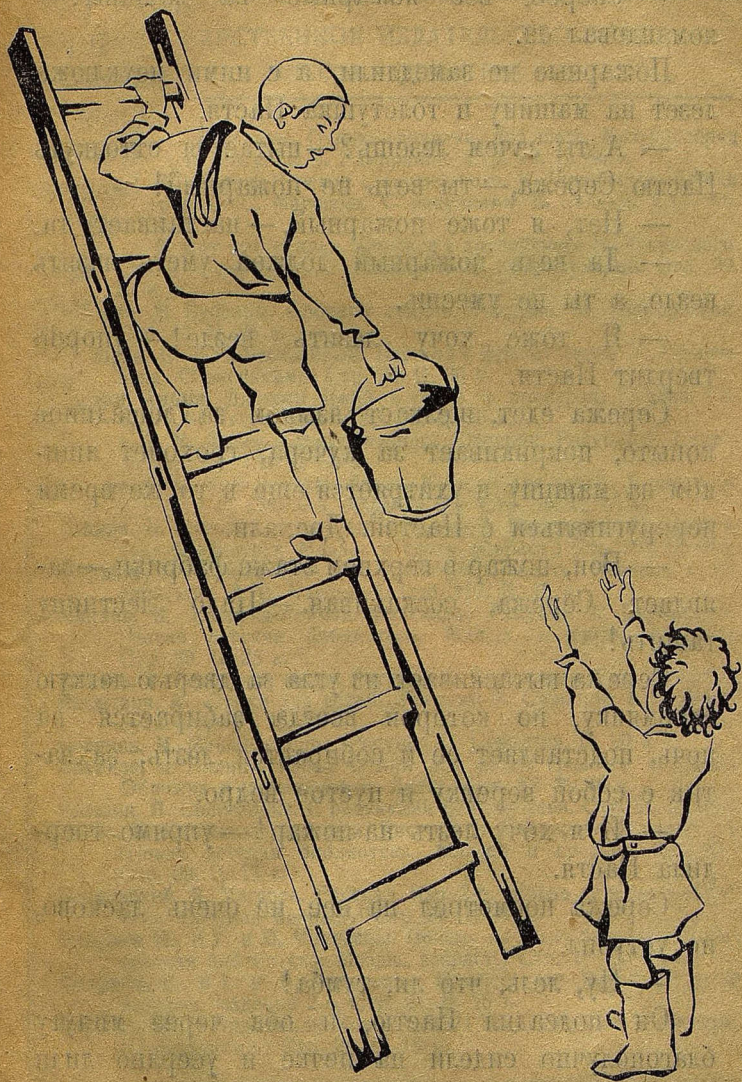
Стемнело. Андрюша зажег висячую лампу в кухне, поставил самовар и собрался идти к Красавке.

— Сережка, ты посматривай за самоваром — не ушел бы! Сними трубу, как пар пойдет.

— Ладно, не учи, не знаю, что ли, без тебя! — ответил Сережа, налаживая какую-то игру из двух табуреток, пустого ящика и бабушкиной палки.

Сережа исполнил обещание, данное утром Насте, — завел игру в „пожарных“. Пока Сережа еще строил машину, а Настя собирала пожарную команду из кукол.

Но вот машина готова! Теперь, без всякого промедления, Сережа начал бить в набат кулаком в опрокинутое ведро.

— Скорее, все пожарные на машины! — командовал он.

Пожарные не замедлили, а с ними неуклюже лезет на машину и толстущка Настя.

— А ты зачем лезешь? — пытается оттолкнуть Настю Сережа, — ты ведь не пожарный!

— Нет, я тоже пожарный, — настаивает та.

— Да ведь пожарный должен уметь лазить везде, а ты не умеешь.

— Я тоже хочу лазить везде! — упорно твердит Настя.

Сережа едет, щелкает языком за лошадиное копыто, покрикивает за кучера, грохочет ящиком за машину и ухитряется еще в то же время переругиваться с Настей. Доехали.

— Вон, пожар в верхнем этаже фабрики, — заявляет Сережа, соскакивая. — Надо лестницу тащить!

Сережа вытаскивает из угла за дверью легкую стремянку, по которой всегда забирается на печь, подставляет ее и собирается лезть, захватив с собой веревку и пустое ведро.

— И я хочу лезть на пожар! — упрямо твердила Настя.

Сережа посмотрел на нее не очень ласково, но уступил.

— Ну, лезь, что ли, тумба!

Он посадил Настю, и оба через минуту благополучно сидели на печке и усердно лили

воду из пустого ведра, шипели, перебрасывали веревку в разные стороны, раскидывали по печке лежавшие там узелки и пакеты.

За игрой они не заметили, как маленькая лампочка начала меркнуть, мигать и, наконец, погасла.

Настя испугалась темноты и заплакала. Сережа заторопился слезать и как-то неловко толкнул ногой стремянку, та соскользнула и упала. Ребята были в плену. Настя ревела, визжала, вцепившись в брата, а тот отталкивал ее, и, в конце концов, сам взвыл.

Наконец, вернулся Андрюша. Увидев полную тьму, он рассердился.

— Это еще что за озорство! Для чего лампу потушили да еще орете, как оголтелые! — закричал он.

Прислушавшись, он понял, что дети плакали всерьез. Быстро зажег свечку и увидел храбрых пожарных и самовар, расплескавший вокруг себя целую лужу.

— Дураки, — ворчал он для порядка, хотя на самом деле ему было ужасно смешно, — дураки, лучше бы вы самовар затушили, чем пожар заливать на холодной печке!

В этот день Григорий Никанорович вернулся домой поздно. Подходя к дому, он услышал на дворе довольно горячую перебранку сыновей; он поспешно открыл калитку. Перед ним была груст-

ная, хотя и смешная, картина: Настя стояла на крылечке, громко ревела, вытирая одной рукой слезы, а другой добросовестно держала фонарь, освещавший ее братьев. Андрюша стоял с сердитым и насмешливым лицом, отбивался, как от мухи, от нападавшего на него Сережи.

— Папа-а! — взывала, завидев отца, Настя, — Андрюша дерется! Сережа дерется!

Мальчики остановились.

— Из-за чего сражение? — спросил Григорий Никанорович. Оказалось, что поссорились из-за корма Красавке: по мнению Сережи, Андрюша хотел дать ей слишком много, а Андрюша укорял Сережу в скупости: слово за слово — и подрались!

— Ну вот, папа, скажи сам: сколько надо давать Красавке соломы и сколько посыпать муки?

— Он больше дает, чем бабушка! — жаловался Сережа.

— А тебе жалко? жалко? — снова начинал ссору Андрюша.

— Не ссорьтесь, — остановил Григорий Никанорович. — Он прав, Андрюша, лишнего корму давать тоже не следует. Зря пропадает, только забивает желудок и кишки; знаешь, в хороших хозяйствах по весу всего дают.

— Как по весу? — не поняли мальчики.

— Да так: соломы столько фунтов, сена столько, подсыпки столько, всего своя порция.

— И всем коровам поровну?

— Нет, тяжелой, большой корове больше; легкой поменьше. Каждая корова тоже свещена.

— Ой? да на какие же это весы корову поставить можно? — усомнился Сережа.

— А вот придет лето, сходим мы все вместе в Новосельский Совхоз, — там все и увидите. Но только можно и без весов узнать, сколько в корове весу. Как то корову меряют и по мерке вес узнают, только я не знаю как.

— А бабушка без весов кормит, да вот Красавка у нас какая хорошая!

— Бабушка уже приноровилась к Красавке. Ты, Андрюша, старайся давать, как бабушка давала.

— Да я не знаю сам... Сережа говорит „охапку“, а они, охапки-то, разные бывают. Мы из за охапки и подрались, — рассмеялся Андрюша.

Мир был заключен, и Красавка с аппетитом уписывала подложенную ей „охапку“.

Сегодня в доме все было чисто. Григорий Никанорович оглянулся кругом и не нашел ни одной грязной плошки или тарелки.

— Молодцы! Чисто как прибрали, — похвалил Григорий Никанорович, — вот только на окне какая-то бурда в чашке, а в ней кусок хлеба — это зачем у вас?

— Мы хлеба не мочили. — Взглянули — а это их кусочек мяса. Вода стала желтая, а мясо белое.

— Это, папа, мы опыт делали. Смотрели, как вода из мяса кровь вытягивает. Видишь, в мясе ее не осталось, вся кровь в воду ушла.

— Это почему вам вздумалось сделать?

— Да мы смотрели, можно ли долго мясо мочить перед стряпней.

Отец похвалил.

— Этак вы многому с хозяйством-то научитесь.

Вернувшийся вечером домой со связкой книг Тимофей Иванович нашел у себя на столе лист с вопросами от крепко спавшего Андрюши. К двум раньше написанным вопросам после ссоры было еще прибавлено: 3) Как узнать, сколько в Красавке веса, если ее смерить? 4) Нельзя ли узнать, сколько надо Красавке давать сена, подсыпки и соломы? 5) Почему тяжелой корове надо больше корму давать, а легкой меньше?

В ту ночь долго светился огонек в комнате у Тимофея Ивановича. Он рылся в принесенных из библиотеки книжках по молочному хозяйству, чтобы утром суметь ясно ответить Андрюше.

На утро Тимофей Иванович объяснил Андрюше все, что тот желал знать.

Молоко надо сдаивать, потому что в нем всегда есть бактерии. Они забираются в соски и там в тепле им хорошо живется. Если это молоко влить вместе, то бактерии быстро сквасят все молоко.

— Значит, бабушка тоже про бактерии знает? — удивился Андрюша.

— Не думаю. Просто, по опыту каждая крестьянка знает, что если первое молоко не сцедить, так весь удой скиснет. Вот и передают одна другой: от матерей к дочерям. До многого и другого по опыту люди дошли, а объяснить не могут. Объяснять — это дело науки, — пояснял Тимофей Иванович.

— Вот так и с прожариванием горшков, — продолжал он, — давно знают, что если глиняный горшок в горячей печи не подержать, молоко в нем киснуть будет, а почему — никто из крестьянок не объяснит. А дело очень простое: в глине всегда есть очень мелкие ходы, пустые местечки. В них забирается молоко — и его оттуда не вымоешь. Оно там задерживается, скисает от него и все молоко киснет. Понял?

Андрюша все понял, а Сережа даже снял с полки вымытый, но ещё не выжаренный горшок и стал внимательно рассматривать, надеясь увидеть в его стенке пустоты.

— Теперь о корме, — продолжал Тимофей Иванович, — попробуй сам сказать, зачем еда нужна.

— Как зачем? чтобы жить, — вменялся Сережа.

— Оставь, молчи! уж лучше вы, Тимофей Иванович, расскажите, все равно, мы не так объясним, — перебил Сережу Андрюша.

— Человек, корова и всякое животное — в роде машины. Чтобы машина работала, надо ее топить. Вот на топку и идет пища. На какой пароход топлива надо больше, на большой или?..

— Ладно, ладно, понял, — перебил Андрюша, — все понял! Крупная корова — большой пароход, мелкая — маленький. А наша-то Красавка в роде морского корабля — вон какая махинеца! Значит, ей надо очень много. — Андрюша покосился на „скрягу“ Сережу.

— А ты в нее уж как в два парохода валил, — огрызнулся Сережа: вчерашняя ссора еще не была забыта.

— Слушай дальше: корова такая машина, что делает внутри себя еще продукты — молоко; значит, ей надо, кроме материала на топку, еще подбросить на производство. Мало дашь — она все пустит на топку, а на молоко не останется. А молодой корове еще нужно на рост прибавить. Все это ученые люди рассчитали, сколько на что идет, списки составили — сколько корму надо.

— Да ведь корм корму рознь. Одно время голой соломой кормили, так хоть и много валили, а Красавка худела и молока мало давала.

— Конечно, — согласился Тимофей Иванович, — это все рассчитано: сколько килограммов соломы надо дать, чтобы получить тот же толк,

что от одного килограмма сена. Я для вас переписал, сколько чего давать нужно; теперь надо только вес Красавки узнать.

Заторопились, засуетились ребята. Очень интересно без весов узнать, сколько корова весит. Все пошли, даже Григорий Никанорович: было воскресенье, и он был дома.

Тимофей Иванович велел взять веревку, а сам стоял с бумажкой в руках и читал, что делать надо. Сначала он велел смерить у Красавки

обхват груди позади холки веревкой; потом смерил веревку по метру и записал, сколько оказалось сантиметров. Потом смерил длину спины от холки до хвоста и снова посмотрел, сколько было сантиметров.

— Вот и все, — сказал он, — теперь давай арифметикой заниматься: помножь одну цифру на другую.

Помножили... вышло 16000 сантиметров.

Теперь раздели это число на 50 — это получится вес Красавки в килограммах... 320 килограммов.

— Вот и вес Красавки!

— И без ошибки? — спросил сильно заинтересованный Григорий Никанорович.

— Ну, конечно, приблизительно; да тут очень точно и не нужно, — сказал Тимофей Иванович. — Теперь вес знаем, пойдем по таблице смотреть, сколько ей пищи полагается.

Пошли все в дом, уселись вокруг стола, а Тимофей Иванович разложил листы бумаги и начал объяснять.

— В разном корме толк разный: мука всего лучше, в ней пользы всего больше. Чтобы от сена столько же пользы получить, надо его взять в четыре раза больше, а свеклы в восемь раз больше. Вот смотрите, у меня здесь выписано, чему равняется по пользе одно кило муки: одно кило муки равняется трем кило клевера, четырем кило сена, четырем кило мякины, пяти кило соломы, шести кило картофеля, восьми кило свеклы. А вот жмыхи много питательнее — их надо всего две трети кило вместо кило муки.

— Откуда же узнали, что чему равно? — удивился Андрюша.

— Давно уж люди над этим работают, проверяют, следят за многими коровами, вот и узнали, —

пояснил Тимофей Иванович. — Всякий расчет ведут на одно кило муки, — продолжал он. — Рассчитали, что для того, чтобы корова была здорова, не худела, нужно давать ей по одному кило муки на сто двадцать кило веса. Значит, если бы была такая маленькая взрослая корова, что всего весила бы сто двадцать кило, то ей всего было бы нужно в день одно кило муки или пять кило соломы, или три кило клевера; если корова в двести сорок кило, то ей надо два кило муки или десять кило соломы. Понял?

— Понял, — подтвердил Андрюша, — давай рассчитывать, сколько надо давать Красавке, если ее одной мукой кормить.

— погоди, погоди, торопыга, а ты про молоко забыл. Из чего она молоко делать будет, если ты ей пищи дашь только на здоровье?

Андрюша почесал затылок.

— Надо еще прибавить по одному кило муки на каждые три кило молока, которые она тебе дает.

— Что же, и молоко вешать?

— И молоко вешать, — засмеялся Тимофей Иванович, — впрочем, приблизительно вес и без весов сказать можно.

— Опять веревкой? — догадался Сережа.

— Нет, уже не веревкой, а ведром, — смеялся Тимофей Иванович, — в ведре приблизительно двенадцать кило. Сколько ведер дает Красавка?

— Я не знаю: утром две кринки да вечером вот эту, да еще эту, да еще молочник.

— Давай, смеряем!

Вылили в ведро столько кринок воды, сколько Красавка молока за день давала, — вышло три четверти ведра. Рассчитали — вышло, что всего за день дает она девять кило.

— Значит.. надо еще прибавить один, два, три... три кило муки, — сосчитал Андрюша, — а всего в день... Красавка весит триста двадцать кило... на каждые сто двадцать кило надо ей кило муки; на триста двадцать кило — три кило да на молоко три кило... Всего, значит, шесть кило.

Тимофей Иванович проверил расчет и одобрил.

— Верно!...

— Нет, не должно быть верно, — заметил Григорий Никанорович, — вы упустили одно: сосчитали и на молоко и на здоровье, а ведь в ней растет теленок — надо еще, чай, и на него прибавлять?

— Правильно вы это заметили, в книжке сказано и про это. Стельной корове надо еще по полкило в день прибавлять. Значит, всего шесть с половиной кило, — закончил расчет Тимофей Иванович.

Долго еще сидела вся компания и высчитывала, сколько надо давать корма. Ведь не одной мукой Красавку кормили, а и картофелем, и со-

ломой, сеном, мякиной. Все сосчитали и решили с завтрашнего дня кормить по весу. Чтобы на развешивание много времени не терять, — смерить, сколько идет кило картофеля, мякины, муки в ведро и сколько по весу сена уходит в колоду. Все были чрезвычайно заинтересованы этими расчетами. Только Сережа относился не вполне одобрительно к новой выдумке. Начнут кормить меркой, и либо перекормят, либо недокормят. „Мы с бабушкой и без мерок хорошо кормили“, думает он про себя: он чувствует себя и бабушку несколько обиженными.

— Ну, вот что, — сказал Григорий Никанорович, — начнем уже все по правилам завтра, а сегодня тебе, Андрюша, и отдохнуть не грех. Я справлюсь с делами один, а ты сбегай к товарищам на фабрику поиграть, побегать. Я думаю, соскучился?..

Но Андрюшу не тянуло играть и бегать — мерить, вешать и рассчитывать было ему так интересно, что он отказался.

— Нет, папа, я лучше останусь, и мы вместе с тобой и Тимофеем Ивановичем отвешаем порции и вымеряем. Завтра хуже, — тебя не будет, да мне и не управиться с готовкой, с уборкой и новым кормлением.

Григорий Никанорович посмотрел на сына с удивлением: он никогда и не предполагал, чтобы непоседу Андрюшу могло так заинтересовать хозяйство.

Началось отмеривание. Насорили в кухне отчаянно, к великому удовольствию Насти. Она разукрасила себя сеном и соломой и превесело танцевала вокруг хлопотавших у безмена отца и братьев. Натанцовавшись, она забрала пук соломы и стала втыкать стебельки в щель подоконника — садик делать своей игрушечной короле.

Вдруг она взглянула в окно и радостно закричала:

— Глядите-ка! к нам две тетеньки идут: одна большая, одна маленькая!

Все бросились к окну.

— Кто бы это мог быть? Тимофей Иванович, должно быть, это к вам кто-нибудь, — закричал жильцу Григорий Никанорович.

— Папа, а ведь это наша учительница, Александра Павловна, — вскрикнул Андрюша, — ее шуба синяя и клетчатый платок. С ней.. кто же это?

Андрюша всмотрелся в закутанную маленькую фигурку, быстро семенившую ногами рядом с высокой, крупно шагавшей Александрой Павловной. Когда спутницы подошли поближе и можно было рассмотреть лица, Андрюша различил маленькое личико с длинным носом, крупным ртом, вечно растянутым от улыбки, с маленькими, мышиными, черными глазками-бисеринками.

— Это Надя Зверушка, — обрадовался он. Он больше всех товарищей любил Надю, егозу

первую выдумщицу, первую насмешницу во всем классе. Забавная она была, эта Зверушка: кого больше любит, над тем больше и издевается; а кого не влюбит, с тем вежлива и любезна, никогда не посмеется. Андрюше здорово от нее доставалось: всякую его ошибку сейчас подметит и высмеет! Уж в каких только видах она его не рисовала на классной доске (рисовальщицей она была замечательной), а все любя! Он знал, что любя, и не сердился, разве шутя оттреплет ее за тоненькую, длинную косичку.

— Ну, встречай, гостей, хозяин, — шутливо толкнул его к двери Григорий Никанорович.

— Здравствуйте, — приветливо сказала Александра Павловна, — мы пришли на Андрюшу посмотреть. Как он справляется с делами, как его хозяйство идет.

— Пожалуйста, пожалуйста, очень рады вас видеть, раздевайтесь, милости просим, — ласково встречал Григорий Никанорович, — ты что же это, хозяин, столбом стоишь? — обратился он к Андрюше.

Андрюша совсем сконфузился. Ведь надо же было притти в такую минуту, когда они только-что кончили вешать сено, и он не успел убраться!

— Вы, пожалуйста, не думайте, что у него всегда такой порядок, — выручил сына Григорий Никанорович, — это мы делом занимались. — И он сказал о попытке кормить корову по весу.

Все быстрехонько убрали. Григорий Никанорович поставил самовар, а Андрюша занимал гостей, с увлечением рассказывая о своих работах, о Красавке, обо всем том, чему ему пришлось выучиться за те дни, что он возился с хозяйством. Александра Павловна расспрашивала с интересом.

— Дай-ка Наде лист бумаги: она запишет, как ты вес коровы узнал и как ты ее кормишь. Завтра мы в классе об этом побеседуем, спросим, кто как кормит, чем и сколько раз.

Надя села к окошечку и начала записывать.

— Что ты очень уж много и долго пишешь? — удивилась Александра Павловна.

— Сейчас готово, получите, — и Надя со скромной рожцей подала учительнице лист. На листе было крупно написано: „Как Андрюша хозяйничает. Сочинение в трех картинах“. Первая картина изображала безмен, на котором на тесемочке болталась, привешенная за хвост, корова; подпись гласила: „Как Андрюша корову вешает“. Вторая картина изображала шкаф с банками, как

в аптеке; на банках надписи: „Сено“, „Отруби“ и прочее, наверху вывеска: „Аптека Коркор“ („коровьего корма“ — пояснила Надя-насмешница), а у столика Андрияша в фартуке вешает на маленьких весах одну травинку. Подписано было под картиной: „Как Андрияша корм отвешивает“. Третья картина называлась: „Как Андрияша убирается“, и на ней была изображена целая куча сена, из которой торчала поднятая рука и часть лба с волосами.

— Ну, уж погоди, попадет тебе, пересмешница! Оттаскал бы я тебя за косенку, кабы не было здесь Александры Павловны, да кабы ты не в гостях у меня была! — грозился, смеясь, Андрияша, — или бы окунул тебя головой вниз в кадку с резкой для Красавки!

— Ну, что же, а я бы вылезла, да еще на листе четвертую картину прибавила: „Как Андрияша товарищей уходу за коровой обучает“, — заодно отшучивалась Надя.

Подад Григорий Никанорович самовар, творогу, сметаны, масла свеженького.

— Твоя, что ли, Андрюша, работа? — спросила Александра Павловна.

— Нет, я еще ни разу масла не пахтал. Пока накопил сквашенного молока, а еще сметану не снимал. Папа обещал сегодня к вечеру вместе все сделать, для первого раза.

— Андрюша, а ты нас тоже сейчас будешь вешать или мерить? Ведь надо тебе знать, сколько Александре Павловне или мне полагается масла и хлеба? — опять подшучивает неугомонная Надя.

— Ну, тебе это невыгодно, — засмеялась Александра Павловна. — Тебе, по твоему весу, хлеба надо один грамм да масла пять миллиграммов.

— Ой, дайте скорее ломтик побольше, пока Андрюша с тесемкой до меня не добрался, — шалила Зверушка.

— Человеков никто не меряет, — серьезно заметил Сережа. Он шуток не понимал.

— Напрасно ты так думаешь, Сережа, — возразила Александра Павловна. — Доктора тоже ведут расчет, сколько в каком возрасте пищи давать нужно и какой именно. И тоже рассчитывают, сколько надо на рост, если человек еще маленький; сколько надо прибавлять тому, кто работает. Чем больше работы, чем она труднее, тем и пищи больше прибавлять надо, а то силы не будет на

работу. Вот, у Андрюши есть таблица, сколько какого корове корма надо, а у докторов есть таблицы, сколько должен есть плотник, пахарь, или, скажем, учитель, чтобы быть им здоровыми и работать хорошо.

— А вы — учительница, значит, вы едите сколько в таблице сказано? — спросил Сережа.

— Нет, — засмеялась Александра Павловна. — Я ем не по таблице. Люди обыкновенно просто опытом доходят, сколько каждому есть нужно. А вот, когда для красноармейца, например, отпускают продукты, так с такими таблицами сверяются и знают, сколько надо на каждого отпустить, и разное отпускают: в походе он, или спокойно на месте живет.

— А я, вот, и сам заметил, что как стал я целый день возиться с хозяйством, все в работе да в работе, так и есть стал много больше.

— А мы до вас прошлись, ногами поработали — нам тоже больше надо, — заявила Надя, забирая новую порцию творога.

После чая Александра Павловна выразила желание посмотреть Красавку. Андрюша начал зажигать фонарь.

— А зачем же ты фонарь среди бела дня зажигаешь? — удивилась Александра Павловна. — Разве в хлеву у вас окна нет?

— Есть-то есть, да я его забил тряпками, — очень уж холода эти дни стоят большие.

Александра Павловна ничего не сказала, но покачала головой. Отворил Андрюша дверь. Из хлева пахнуло душным, спертым воздухом, и слышалось шумное дыхание и пережевывание Красавки. Когда глаза привыкли к скудному освещению фонаря после яркого солнца и блеска морозного дня, гости разглядели лежавшую на полу крупную Красавку, большую колоду для корма, ведро для поёла. В хлеву было чисто, но воздух все же был очень тяжелый. Красавка медленно, неуклюже поднялась на своих крепких коротких ногах и слабо протянула: „му-у-у“.

— Дай ей кусочек хлеба с солью — она очень любит, — сказал Наде Андрюша, подавая ей захваченный в карман ломоть. Надя протянула руку довольно робко. У них не было коровы, и ей не приходилось иметь дела со скотиной. Красавка понюхала хлеб, вздрагивая крупными, широко расставленными ноздрями, а затем начала забирать в рот ломоть, перехватывая его мягкими, подвижными губами. До руки Нади коснулся влажный, холодный нос, а потом шершавый язык лизнул слегка вздрогнувшие пальцы.

— Она озябла: у нее нос, как лед, — пожалела Красавку Надя. Все засмеялись.

— Что ты, Надюша, да у здоровой коровы нос всегда холодный, потому что он всегда мокрый, — заметила Александра Павловна. — Если бы он у нее был сухой, она не могла бы так хорошо

различать разные запахи, а она по запахам узнает вредную или полезную для себя траву.

Красавка снова затащила „му-у-у“ и кивнула головой, словно подтверждая слова Александры Павловны. Сережа, стоя в уголочке, поднял с пола пучок сена и стал нюхать; потом он послунял палец, помазал им свой нос и снова начал тщательно принюхиваться. Надя как-то усмотрела его занятие, тихонько подошла к нему и шопотом осведомилась, что это он делает. Он поманил ее за собой во двор.

— Хоть эта — вот с тобой-то пришла, хоть она и учительница, а неверно говорит: что сухой нос, что мокрый, все одинаково запах чует. Чего смотришь? Понюхай сама, помусоль; ничего не выходит.

Надя уже летела с разоблачением в хлев.

— Александра Павловна, — захлебывалась она от смеха, — помусольте палец и помажьте нос.

— Что ты опять глупость придумываешь?

— Придумала-то не я, да все равно, — и у меня не выходит: и сухой и мокрый нос одинаково запах слышат.

— Глупышка, да ведь и у тебя то место, которое слышит запахи, всегда мокрое — у людей оно внутри носа, а у коровы и внутри и снаружи. Внутри у человека нос всегда влажный, потому что в него понемножку все время идет слеза из глаз по узенькому протоку.

— А коровий нос снаружи тоже слезами смачивается? Что же этих слез не видно? Или они тоже внутри идут?

— У коровы снаружи не слезами смачивается, а просто в самой коже все время выделяется влага — в роде как пот.

Андрюша навел фонарь на мокрый нос Красавки, и Надя и Сережа внимательно посмотрели, а Сережа, отвернувшись, украдкой залез пальцем в собственный нос, проверяя его влажность.

— Водички я ей сейчас дам, — сказал Андрюша.

— А где колодец? Дай я накачаю, — предложила Надя.

— Нет, нельзя прямо из колодца. Я сейчас из дому принесу, — возразил Григорий Никанорович.

— А что, или простуды боитесь? — спросила Надя.

— Нет, не простуды боимся, а корма жалеем. Чтобы холодную воду в животе согреть, надо пищу истратить, сжечь ее, — рассудительно заметил Андрюша, вспоминая разъяснения Тимофея Ивановича.

— Надя, это тоже надо запомнить и поговорить о том, как поят, с другими товарищами, — сказала Александра Павловна.

Григорий Никанорович принес воды. Андрюша поставил ведро к столбу и веревочкой, привязанной к ушкам, прихватил его к вбитым в столб крючкам.

— Это я придумал так сделать, чтобы Красавка воду не проливала, а то она у меня первые дни то и дело ведро сваливала и весь пол поливала,— похвастал он,— а она воды страх много за день-то выпьет—ведер шесть ей перетаскаешь.

— Батюшки, шесть ведер!— даже испугалась Надя.

— Чего удивляешься? Тимофеей Иванович читал, что у коровы в день слюны идет четыре ведра, так надо ей на слюну-то воды.

— Ай, четыре ведра! Да что же, куда же ей столько слюны?

— Куда? Да пища-то у нее, чай, сухая, надо ее смочить да размочить. Ну-ка, кабы тебя сенном да соломой покормить, тоже слюны-то бы не мало понадобилось,— объяснял Андрюша.— Я, брат, и сам сначала удивлялся, а раздумался, так и не показалось удивительным.

Все вышли из хлева и сразу глубоко вздохнули на чистом, свежем воздухе.

— Вот что я тебе скажу, милый мой хозяин,— заметила Александра Павловна.— Все у тебя хорошо, а все же кое-что надо исправить. Скажи мне, ты у себя в комнате форточку открываешь?

— Конечно, каждый день утром и на ночь.

— А почему ты не держишь днем в доме ставни закрытыми?

— То-есть как—почему? Да как же без света? И работать нельзя, и скучно! Да и просто

вредно было бы. У нас даже в классе висит плакат: „Куда редко заходит солнце, туда часто заходит врач“.

— А почему врачу дело есть в темных квартирах?

— Потому что на свету многие вредные бактерии гибнут.

— Ну, а теперь подумай-ка: хорошо ли у Красавки в комнате? Смотри, не пришлось бы к ней врача приглашать!

— А ведь, правда, сынок, это мы с тобой зря сделали, что заткнули окошко в хлеву, — сказал Григорий Никанорович. — Здесь и меня вини, Александра Павловна, — продолжал он, обращаясь к учительнице. — Это я ему велел на морозы оконце закрыть: очень уж вразумительно Тимофеев Иванович из книжки вычитал, что на холоде пищи больше идет.

— На пище-то вы, может быть, и выигрываете, да, я боюсь, что на здоровьи коровы проиграете, — серьезно заметила Александра Павловна.

Решили сегодня же окно раскупорить и два — три раза в день ненадолго и дверь открывать, чтобы проветривать хорошенько.

— Весной мы с тобой, Андрюша, прорежем в хлеву окно побольше и раму со стеклами вставим — будет у нас тогда в хлеву светло, как в заправском совхозе, — посулил Григорий Никанорович.

Стала Александра Павловна собираться домой.

— Посидим еще, пожалуйста, мне очень хочется посмотреть, как Андрюша с Григорием Никаноровичем будут масло делать, — просила Надя.

— Оставайся, Надя, у нас ночевать, — предложил Григорий Никанорович. — А я тебя завтра прямо в школу провожу.

— И правда, оставайся, — присоединилась и Александра Павловна. — А я зайду к твоим сейчас и скажу, чтобы о тебе не беспокоились.

Надя легонько вздохнула. Она жила у чужих людей; обижать ее не обижали, но и беспокоиться о ней было некому. Остаться она согласилась с большой радостью.

Проводили Александру Павловну, и принялись за маслоделие. Андрюша принес целый десяток накопленных за неделю кринок со сквашенным молоком и вытащил из чулана деревянную маслобойку. Григорий Никанорович велел налить в маслобойку горячей воды прямо из самовара, а Андрюше и Наде велел снимать в блюдо осторожно сметану.

— Только сначала снимите маленькой ложечкой самый верхний тоненький слой. С кринок его не надо брать для масла.

— Потому что в нем всегда могут быть разные бактерии, — вставил пришедший посмотреть работу Тимофей Иванович.

— Теперь всю оставшуюся простоквашу свалите в глиняный тазик, и мы поставим его в протопленную печку: будет творог. А из сметаны будем бить масло.

— А я читал, что масло лучше делать из сливок, — сказал Тимофей Иванович.

— Это верно, что лучше, но сливки надо сбивать свежие, только-что отстоявшиеся, а где в крестьянском хозяйстве при одной корове сразу много сливок получить? Вот у нас и делают из сметаны. Сметану-то можно за несколько дней прикопить.

Начали бить масло: по очереди дети вертели ручку, к которой была прикреплена решетка. Сметана ударялась о вертевшуюся решетку, о дно и стенки маслобойки, и из нее отделялось масло и прозрачная желтоватая жидкость. Через каких-нибудь полчаса масло было готово, и все, и работавшие и смотревшие, с большим аппетитом уписывали черный хлеб со свежесбитым, душистым маслом.

— Странно, — готорила Надя, — как это так? — В молоке никакого масла нет, а вот получается оно откуда-то!

— Как нет в молоке масла? Есть. Только оно там в виде очень мелких капелек. Каждую капельку отдельно не видно, а все вместе они кажутся белыми.

— Да ведь масло легче воды. Оно должно бы в молоке все кверху всплыть.

— Оно и всплывает, только очень медленно. Дай постоять молоку — наверху будут сливки. Они гораздо маслянистее молока, потому что кверху всплыло много капелек масла.

— Но почему же все масло не всплывает?

— Если бы можно было очень долго продерживать молоко так, чтобы оно не испортилось, так и все всплыло бы!

Надя все же смотрела на Тимофея Ивановича с некоторым сомнением. Он это видел.

— Надя, а знаешь, можно и постное масло разбить на мелкие капельки, которые будут плавать в воде и не будут заметны. Хочешь, покажу?

Конечно, не одна Надя, но и все остальные очень желали увидеть это. Тимофей Иванович налил в пузырек воды, а сверху немного постного масла. Масло легло на воду ровным желтым слоем.

— Теперь потряси хорошенько бутылочку, — предложил Тимофей Иванович Наде. Она потрясла. И вот на глазах у всех вместо двух различных жидкостей в пузырьке оказалась ровная, светложелтая жидкость, где нельзя никак было отличить воду и масло.

— Вот так же точно устроено и молоко; а если посмотреть в увеличительное стекло, так можно в нем капельки увидеть, — рассказывал Тимофей Иванович.

„Молоко“ из постного масла простояло немного и снова превратилось в воду с плавающим по верху маслом.

— Снимайте сливки! — предлагала Тимофеею Ивановичу Надя. — Чистенькие! Вишь, как скорехонько отстоялись.

Время летело совсем незаметно за работой и разговорами. Надя расспрашивала без конца и узнала очень много нового, неизвестного. Говорили больше о Красавке.

— Она бабушкина подружка; бабушка рассказывала, что Красавка выросла здесь, здесь и родилась; мать Красавкина была тоже Красавка и тоже красная с белыми пятнами, — рассказывал Андрюша. — Наша Красавка живет с бабушкой много дольше, чем мы. Ей даже больше лет, чем Сереже.

— Неправда, она моложе меня, бабушка говорила, — сказал Сережа.

— Нет, старше!

— Нет, моложе!

— Папа, старше или моложе?

— Да я и сам не знаю. Никогда этим не интересовался, — ответил Григорий Никанорович.

— Да что спорить? Пойдем и спросим, сколько ей лет? — предложил Тимофей Иванович.

— Она не умеет говорить, — серьезно заявил Сережа. — У нее язык толстый и шершавый.

— У нее зато рога говорят. Пойдем, послушаем, — смеялся Тимофей Иванович, подмигивая

Григорию Никаноровичу. Тот улыбнулся и тоже подтвердил:

— Говорят, говорят рога — это верно. Хотя я сам и не пробовал слушать, но другие при мне слушали и слышали.

— Идемте все в хлев! и я! и я! — кричали ребята, не исключая и Насти.

Пришли. Тимофей Иванович провел рукой у основания рогов.

— Что-то я не очень понимаю; посмотрите, Григорий Никанорович.

Пощупал и Григорий Никанорович.

— По-моему, ей семь лет.

— А по-моему, девять, — сказал Тимофей Иванович. — Ну-ка, ребята, щупайте! Сколько нащупаете на рогах толстых валиков, таких колечек?

Стали щупать все по очереди, у всех выходило семь.

— Каждый год нарастает одно колечко, — сказал Григорий Никанорович, — значит, ей семь лет. Где вы это девять колец насчитали, Тимофей Иванович?

— Нет, я тоже насчитал только семь. Но ведь кольца получаются от того, что корова, когда последнее время стельная ходит, на себя почти ничего не тратит. Все на теленка! И рог в это время плохо растет. Вырастает тоньше. А как отелится, рог сразу расти начинает сильно,

и получается более толстое место. Здесь семь таких колец. Значит, у нее семь телят было, а ведь первый теленок рождается, когда корове не меньше двух лет. Значит, всего-то выходит ей девять лет.

Красавка покорно позволяла щупать и гладить свои рога и только отмахивалась хвостом, словно к ней лезли надоедливые мухи.

Вечером Григорий Никанорович и Тимофей Иванович ушли в клуб, и дети остались одни. Маленькие легли, а Андрюша с Надей долго возились вместе. Надя смотрела, как Андрюша доил, как кормил, как убирал хлев, как чистил Красавку.

— Ее надо хорошо чистить, — объяснял Андрюша. — Чем чище корова, тем больше молока даст. Тимофей Иванович читал, что в одном хозяйстве проверяли, сколько даст молока чищенная и не чищенная корова.

— Вот уж не понимаю, как от чистоты может молоко прибавиться, — недоумевала Надя.

— А видишь ли, всякое животное дышит не только легкими, а еще кожей. А если кожа грязная, — дыхание плохое. А от плохого дыхания и все другое хуже станет; значит, и выработка молока тоже.

Сегодня во время уборки дверь в хлев была широко распахнута, чтобы освежить на ночь воздух.

Вернувшись домой, ребята долго возились с приборкой посуды, мытьем маслобойки и всего, что было перемазано при возне с маслом и творогом. Творог из печки был вынут, откинут на решето, а потом отжат в чистой тряпочке, а теперь лежал в чулане на полке, придавленный доской и кирпичом. Надя тщательно прибрала все в комнате и в кухне, и, наконец, дети уселись, усталые, но очень довольные друг другом и своим трудовым днем. Они решили не ложиться до прихода старших.

— Я уж коли засну, так меня не разбудишь, как ни дубась, — уверял Андрюша, да и Надя боялась, что не услышит стука.

Андрюша ушел закрыть на ночь ставни; вернувшись, он предложил Наде одеться и идти ждать отца на воле.

— Очень уж хорошо месяц светит, — говорил он.

Выбежали ребята на крылечко.

— Как тихо! Очень хорошо! У нас на фабрике не бывает так тихо, — задумчиво сказала Надя.

— Кому здесь шуметь? — все спят, кроме нас с тобой, — ответил Андрюша.

— А вот Красавка не спит — слышишь? Она ест-жует громко, здесь слышно.

— Нет, она тоже спит — это она во сне жвачку жует. Мы с тобой ее покормили соломой, и она

всю ее быстро в желудок спровадила, только немного смяла да слюной смочила. Теперь, по маленьким частям, солома возвращается к ней в рот, и она уж как следует ее жует во сне, совсем до мелкого перетирает. А мелко пережеванная пища идет маленькими глотками и проходит по узкой дорожке не туда, куда шла нежеванная солома, а в другую часть желудка. Оттуда уж она больше не может возвращаться назад, а идет вперед, в кишки.

— Значит, то место, куда шла не пережеванная солома, в роде как кладовая для продуктов?

— Вот, вот! Знаешь, бабушка раньше всегда поила Красавку водой с мукой. А я теперь стал муку ей в солому прибавлять, а то с водой мука попадает прямо в ту часть, из которой в кишки. А с соломой она еще раз в рот возвращается. На нее больше слюны попадает, значит, она и переварится лучше.

— Это все Тимофей Иванович вычитал из книжек?

— Да, да, все он вычитал. Я теперь бабушке это расскажу, чтобы она тоже знала.

Постояв у хлева, дети вышли за ворота и уселись на лавочке.

— Смотри, как светло, как днем.

— Только день бывает золотой, а сейчас все серебряное.

— А снег, смотри, какой-то синий!

— А фабрика черная, черная!

Внизу, вдалеке чернелись высокие корпуса фабрики, поднимались ввысь узкие, высокие трубы. Фабрика спала; а пониже, у ее подножья, раскинулись небольшие домики с блестящими то там, то здесь огоньками. Дальше влево чернела полоса хвойного леса, а еще дальше все тонуло в серебристом тумане.

— А где наша школа?

— Вправо от фабрики, ее не видно отсюда.

Дети помолчали.

— А вон там, левее, в начале леса, видишь, полянка и дом большой? Это больница. Там бабушка лежит, — сказал Андрюша. — Она все о нас беспокоится, — хорошо ли нам. Очень она о нас заботится.

— А она вам ведь чужая, да?

— Чужая, да все равно как своя.

Надя подавила вздох. Андрюша помолчал.

— А ты приходи к нам чаще — она и о тебе будет заботиться. Мы все тебя очень любим, — ласково сказал Андрюша, почувствовавший, отчего взгрустнулось подруге. Надя все смотрела в сторону больницы.

— Я завтра после школы к ней схожу. Расскажу, как была у вас, что вы делаете, как работаете... Скажу, что ей не надо беспокоиться, что у вас все по-хорошему.

Частенько с тех пор приходила Надя; как раз подоспел перерыв в учении, время было

свободнсе. Придет, поможет в работе, поиграет с маленькими, посмешит больших; крепко с ней все сдружились, совсем за свою считать стали.

Через несколько дней после начала учения прибежала она один раз в будни сейчас после школы, вся запыхавшаяся.

— Андрюша, — закричала она еще с порога. — Завтра бабушка выписывается из больницы после обеда! Я сейчас у нее была. Она велела передать.

Ребята просто от радости едва поверили.

— Я нарочно прибежала. Ночую у вас и завтра в школу не пойду: надо вымыть да убрать по-лучше; я ведь бабушке все время говорила, что здесь чистота, порядок. А ведь на деле-то грязищу поразвели не малую! Чай, за ящиками да лавками картошку садить можно!

Работа закипела. Все суетились, мыли, скребли. Надя даже все занавесочки перестирала да пересушила у печки. Все выскребла, вымыла в доме. А Андрюша двор да хлев убрал так, что взглянуть любо-дорого!

Сережа у них на побегушках замучился: то „ведро тащи“, то „метлу живей“, то „косарь по-дай“... И у Насти забота немалая: надо всех кукол собрать в свой уголок, а то они без бабушки разбрелись, кто под кровать, кто на печку, кто в ящик с углями. Весь вечер провозились, и на утро, в день бабушкина приезда, до са-

мого обеда все работали. Обед приготовили на славу.

Как раз, чуть успели все кончить, а, глядь, и бабушка с отцом у ворот. Выскочили, обступили, чуть с ног не свалили. А бабушка плачет от радости, а сама от ребят отбивается:

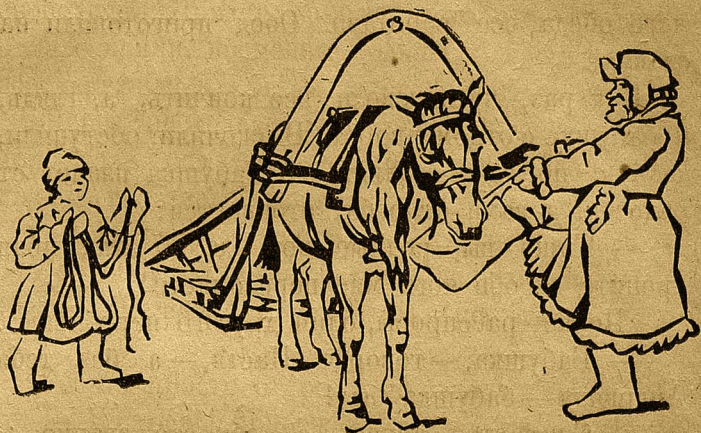
— Тише вы, родные мои, да вы этак меня уроните да обе ноги мне переломаете!

Пошли расспросы, один другого перебивают.

— Бабушка, — говорит Настя, — а без тебя Андрюша — бабушка был!

— Снимается теперь с тебя это звание, — смеется Григорий Никанорович. — Теперь можешь опять помолодеть лет на пятьдесят!

Бабушка на своего Андрюшу не наглядится, захвалила его совсем, даже немного стыдно Андрюше. А Надя, конечно, не без дела сидит в сторонке у окошка; она к бабушке не лезет, — чужая, ведь, она здесь. Она рисует ребеночка в пеленочках, а внизу подписывает: „С приездом бабушки, Андрюша помолодел!“

БАБУКА.

Висевшая под самым потолком лампа слабо освещала желтым светом темную горницу в избе. Было еще очень рано. Илюша был совершенно готов идти в школу; осталось только затянуть кушак.

Бабушка приготавлилась катать белье, лежащее на лавке; стала доставать она с полатей валец, да как-то неловко потянула, и валец скользнул ей по руке и упал. Илья нагнулся поднять валец с пола и вдруг услышал какой-то тихий стон. Он обернулся к бабушке, — та сидела на лавке тут же, где уронила валец.

— Бабушка, что ты? Или зашибла руку-то?

Бабушка молчала, но что-то неладное с ней творилось: она раскачивалась из стороны в сто-

рону, придерживая правой рукой левую как ребенка; губы у нее были плотно сжаты, глаза почти закрыты. Илюша перебирал кушак и также молча стоял около нее.

— Илья, — заговорила, наконец, бабушка, — останься, в школу не пойдешь!

Илюша ничего не спросил и начал раздеваться: он сразу почувствовал, что случилось что-то неладное. Месившая в чулане тесто Параня выпрямилась и прислушалась, — что это больно тихо стало? Она выглянула в горницу.

— Прасковья, — медленно проговорила, увидев ее, бабушка, — собери белье, сегодня катать не будешь!

— Что так?

Бабушка молчала и только снова начала покачиваться из стороны в сторону. Параня вглядывалась в лицо бабушки и быстро начала обтирать руки.

— Бабушка, родимая, да что с тобой? Нemoжется, что ли?

— Руку повредила... шибко...

Прямо над бабушкой свесилась с полатей лохматая голова только-что проснувшегося восьмилетнего Ленки. Все тревожно смотрели на бабушку.

— Чего уставились? — медленно и спокойно проговорила она, — Ленка, вставай! Прасковья, кончай с хлебами! Илюшка, иди к корове.

Все послушались, не проронив больше ни слова. Быстро пошла обычная утренняя работа, в полном молчании, только изредка слышался тихий голос бабушки, отдававшей то или иное приказание.

Скоро проснулся и самый маленький в семье, с трудом передвигавшийся на кривых, слабых ногах, двухлетний Володя.

Володя и помогавший ему одеваться Ленья завозились в углу на полатах.

Поспел самовар; подала Параня ржаных горячих лепешек.

— Иди, бабушка, чай пить!

— Пейте, я не буду, да потарапливайтесь!

Кончили и чай.

— Ну, вот что: надо меня в больницу, — шибко рука болит, надо быть, я ее переломила... Останетесь вы тут одни, — чтобы все у меня в порядке было!.. Что по дому, — все Прасковья пусть правит, по двору — Илюшка... Маленьких не обижайте, за скотиной ходите... не ссорьтесь... Коли не справитесь, повестите как-либо отца, а коли справитесь, так не троньте, не надо.

Все слушали, опустив головы, даже Володька.

— А ты, шалый, — обратилась она к Леньке, — слушайся у меня сестру... и ты, Илья: она самая старшая, с нее и спрос будет... А тецерь, — продолжала она, — поди, Илюшка, к Семену Черновину, проси лошадь... бабка, мол, не дойдет.

Илюша быстро оделся и почти бегом побегал к Семену, председателю Совета, по морозному утреннему воздуху; день был пасмурный и еще не совсем рассвело; избы стояли черные среди общей мглы. Семен был дома.

— Ишь ты, грех какой!.. — покачал он головой на рассказ Илюши, — управитесь вы одни-то?

— Ну, как не управиться! Не больно мы, ведь, маленькие. Прасковья только ростом не вышла, а ведь ей уже шестнадцатый пошел: она все справит... не больно лето, работы мало.

— Коли что надо будет, — приходи ко мне. Советом поможем.

— Ладно.

— А, может, отцу как повестить? Где он сейчас-то?

— Дядя Григорий заходил, так говорил, что в Ольховке его видел, — он там у ямщика Демида шьет поддевку.

Мать у Илюши померла, а отец был искусный портной и по зимам ходил по соседним селам и шил по домам, кому что надо; глядишь, и приработает за зиму-то. Нужда поджимала: семья не маленькая, а работник он был один. Илюша-то только-только подрастал, — ему нынче двенадцатый пошел.

Побежал Илюша к Ивану Перцову с запиской от председателя.

— Лошадь как не дать? Только мне самому-то больно недосуг, — говорил тот, — не съездишь ли ты, малый, сам? Лошадь у меня смирная.

— А что же, мне не впервой с лошадью-то управляться, хоть и нет своей, — ответил обрадованный Илюша. Поехать в волость, где больница, в громадное село Дунино, было очень интересно, да и то хорошо: он сразу узнает, что с бабушкой. А, может, ей это только почудилось, что руку сломала, и она вернется домой.

Расспросил дядя Иван, что с бабушкой произошло, зачем в больницу ее везти надо?

— Ну, там все справит доктор Дунайский... у него машина такая есть, что человека насквозь всего видать. Просквозит он бабушку-то и сразу узнает, что за боль у нее, — говорил он, пока налаживал сани.

— А дорогу-то найдешь? Поезжай до Горок, а там до Матюшина, а как Матюшино проедешь, и Дунино на горке видать... а больница-то поодаль, у лесочка... громадная, белая. Всего-то верст десять будет.

— Да я бывал в Дунине-то, с отцом на ярмарке.

— Вот и ладно. Ну, готово, поезжай, малый!

Илюша подкатил к своей избе. У калитки стоял Леня и бросился, завидя Илюшу, отворять ворота.

— Дяди Ивана лошадь-то! А сам-то он где же? — спросил Леня Илюшу.

— Ему недосуг, — я повезу бабушку.

— Ой!?! — возьми меня!

— Ну тебя, на что ты нам!?! — деловито ответил Илюша.

— Как на что? — а я лошадь постерегу, покуда ты бабушку в больницу поведешь!

— И так постоит, без сторожа, не уйдет.

Но Леня уже не слушал Илюшу; он бросился в избу.

— Бабушка, Илюшка тебя повезет, дяде Ивану недосуг... лошадь во дворе... я тоже с вами!

— А тебя еще зачем понесет? — заворчала Параня, — найдется тебе и дома дело.

— Я лошадь держать буду... А ты что лезешь? Тебе, что ли, жалко? — петушком набросился на сестру Ленька.

— И, правда, не к чему, сиди дома, — сказала и бабушка, поднимаясь с лавки, где она так и сидела с того времени, как упал злосчастный валеk. В избу вошел Илюша.

— Оно и впрямь сподручнее с ним-то было бы, — поддержал он Леньку, — может, негде там лошадь-то загнать... еще уведет кто.

Ленька, уже приготовившийся реветь, поздержался с ревом и выжидал: бабушка, видимо, раздумывала.

— Не бери, бабонька, он еще созорует чего... шалый, ведь! — опять вступилась Параня.

— Созорует, созорует!.. — свирепо передрознил Леня, — что я, оголтелый, что ли? Разве я не понимаю, что бабка хворает... разве я... — и он снова приготовился реветь.

— Помоги, Прасковьюшка, одеться мне, — сказала бабушка. — А... а ты... ну, да ладно, одевайся уж, поедем! — прибавила она, поворачивая голову к Лене. Повторять Леньке не пришлось — он был готов мигом и начал помогать снаряжать бабушку. Параня не смела возражать, коли бабушка решила, — у них в семье было строго, — но надула губы и смотрела на торжествовавшего Леньку сердитыми глазами.

Покатили сани по ровной снежной дороге — ехали хорошо, быстро... Бабушка за всю дорогу слова не сказала и не шевельнулась, а мальчуганы тихонько шептались. Ленька еще никогда не бывал дальше соседних Горок, и то летом, пешком с ребятами бегал; ему все было интересно. Рассказывал ему дорогой Илюша и про то, что у доктора есть, говорят, чудесная машина, что людей насквозь видит.

— Гляди-ка, вон у леса-то... батюшки, что за домина! да бе-е-лый! — схватил брата за руку Леня.

— Это и есть больница.

Подъехали. Свел Илюша бабушку с саней, а возжи бросил Леньке.

— А ты, малый, въезжай во двор, там лошадь-то поставь, — посоветовал Леньке проходивший мимо крестьянин.

Илюша с бабушкой пошли к дому, а Леня поехал во двор. „Счастливый этот Илюшка, — вздыхая, думал Леня, — войдет в этот большущий дом, доктора увидит, а, может, и машину эту... коли не врут про машину-то“...

Во дворе стояло несколько саней с лошадьми. На одних санях Леня увидел дядю Никандра из своей же деревни, у которого жена, тетка Надежда, в больнице лежала. Заговорили.

— Ты оставь лошадь-то, — сказал Никандра, — я погляжу. Мно все одно здесь с лошадью ждать придется долго — я за Надеждой приехал, да оказывается, раньше обеда не выпускают, чтобы, значит, не простудились; на сытый-то желудок, видишь, теплее. А ты смерзнешь — иди куда-нибудь, погрейся!

Ленька привязал лошадь рядом и выбежал со двора: он решил пойти за бабушкой и Илюшей в больницу, авось, не выгонят.

Подошел сначала Ленька к одной двери; на ней написано что-то больно непонятное.

„Ам-бу-ла-то-ри-я“, — прочел по складам Леня, (он научился грамоте от Илюши, хоть и в школу не ходил). В такое страшное место ему лезть нечего. Пошел дальше. Еще крыльцо, уж без надписи.

— Верно, сюда, — решил Леня и вошел.

Вошел, да и струсил. Батюшки мои! чистота какая, невиданная! пол весь блестит, ступить на него никак нельзя! стены, точно в снегу, — белые! двери, и те белые!

Подошел к нему какой-то дяденька в длинной белой рубашке, ниже колен, спрашивает:

— Ты что, куда идешь?

— Да я к бабоньке...

— Сейчас нельзя: прием с трех часов. Она у тебя в какой палате?

— В палате? нет, она не в палате... она просто так... без палаты... она с братаном моим, с Илюшкой...

— С каким еще Илюшкой? Да она чем больна-то?

— Не знаю, дяденька, руку вальком зашибла, так вот председатель лошадь нарядил... везти, значит... а я сторожить... лошадь-то...

— Сейчас только привез?

— Почти что сейчас.

— Так ты не туда попал — иди в амбулаторию, рядом налево крыльцо.

— Я видал слово-то это, — обрадовался Леня, — только непонятное очень, я туда побоялся зайти-то.

— Иди, иди, не бойся. Амбулатория — это значит, где больных принимают, — говорил, выпроваживая его, белый дяденька.

Пошел Лёня в амбулаторию, нашел и бабушум и Илюшу.

— Сейчас наша очередь будет,—сказал Илюша.

— Следующий! — выкликнула какая-то тетенька, тоже вся в белом, приоткрыв дверь.

— Сестрица! — шепнул Илюша Леньке.

Бабушка встала и ушла за эту страшную дверь. Прошло немного времени; дверь снова отворилась, и снова показалась белая сестрица.

— Кто здесь приехал со старушкой? — спросила она.

— Я! — ответил Илюша.

— Иди сюда, к доктору! — и сестра повернулась назад. Илюша пошел к доктору. И Леньке невтерпёж — тоже за ним юркнул в дверь.

Бабушка сидела у окна на стуле, а посередине комнаты за большим столом сидел полный доктор и писал.

— Вы, мальцы, бабушку-то привезли? — спросил он, взглядывая из-под очков на ребят.

— Мы... — Илюша выдвинулся вперед, а Ленька остался у двери.

— Я оставляю ее в больнице, — сказал доктор, — у нее рука переломлена, придется ей полежать. Поняли?

Не глядя больше на Илюшу, доктор протянул записку сестре и сказал:

— Проводите больную в больницу. Что, много еще больных?

— Нет, двое осталось.

— Марья Поликарповна, — обратился доктор к фельдшерице, стоявшей около бабушки, — как прием кончим, закусим немного, да будем просвечивать; приготовьте кабинет. След...

Вдруг доктора перебил тонкий детский голос:

— Дяденька доктор, а почему же это у бабушки рука сломалась? ведь ее валец... он у нас легкий... только так, сбоку шарахнул... А на медни меня по руке тяжелущим поленом огрело, а рука, кажись, не сломалась... только синяк, — и перед доктором вытянулась худенькая детская рука, с большим синяком повыше кисти, вылезавшая из рукава тулупа.

Доктор удивленно приподнял голову от стола и посмотрел на руку, на синяк, затем на лохматую, рыжеватую голову и взглянул прямо в небольшие живые серые глаза Леньки. С минуту они оба молча смотрели друг на друга: сумрачный, седой доктор и бойкий маленький мальчик.

Вдруг доктор весело улыбнулся.

— Ишь ты, дотошный какой! знать тебе надо?! Ну, что же, побеседуем. Видишь ли, кости сделаны из двух веществ: из такого вещества, в роде... ну, в роде как из штукатурки — оно твердое, но ломается легко, а другое не ломается, а гнется... оба они вместе в кости...

— Вперемежку, значит? — догадался Ленька.

— Да нет, не попеременно, а оба вместе, — ну, хоть как, вот, вода в мокрой тряпке... она не попеременно с тряпкой, а всю ее пропитывает... так и это, которое гнется, все ломкое пропитывает...

— И выжать можно?

— Нет, выжать нельзя: оно тоже твердое... как бы это тебе пояснить?..

— Может, в роде как замерзшая тряпка? в ней тоже вода-то твердая.

— Вот, вот — вот!.. — обрадовался доктор, — ну, и молодец, смышленный! Так вот, видишь ли, у молодых в костях много, даже очень много того вещества, что гнется, а того, что ломается, не так много. А у старых ломкого-то много, а то, что гнется, все пропадает. На молодую кость надавишь, она немного поддастся, а выдержит, не сломается, а старая, в которой почти одно ломкое осталось, сразу и трахнет.

Фельдшерица и сестра с удивлением смотрели на доктора, не любившего лишних разговоров и от больных, а тут вдруг разговорившегося с каким-то малышом.

— А не видал ли ты в деревне детей, у которых ноги колесом согнуты?

— Как не видеть? видал! — даже обрадовался Ленька, — у меня Володька, братишка, такой кривоногий!! сейчас еще лучше, а раньше почти что и встать не мог!

— Вот, у него, значит, совсѣм этого, ломкого-то, в костях нет; вот они и согнулись. Надо его лечить. Привозите его весной!— обратился он к бабушке, стоявшей еще в дверях.

— Ну, а теперь — марш, мне надо прием кончать, — сказал он, обращаясь к Ленке.

Тот покорно вышел за дверь вместе с Илюшей, который не мог надивиться на смелость Ленки. Вслед за ними вышла и сестра.

— Вы пройдите, мальчики, в другое крыльцо, в больницу, и там подождите в прихожей — я вам скоро вынесу одежду бабушкину; вы ее увезете домой.

Прошли мальчики в прихожую больничную, сидят, ждут. Ленка взобрался на высокий подоконник и смотрел в окно.

— Гляди, Илюша, вон, доктор пошел куда-то, должно быть, кончил больных-то!— сказал он Илюше.

— А ты слышал, он сказал этой, длинной-то, Марье Поликарповне: „просвечивать будем“ — это он, верно, про машину, что насквозь... вот бы поглядеть на нее, как это она... чай, мудрено устроено! — проговорил Илюша.

Долго рассуждали братья о том, что это может быть за машина, и как это в нее доктор смотрит, и могли ли бы и они увидеть всякую болезнь, кабы сами в машину посмотрели.

— Эх, дурак я, — ругал себя Ленька, — надо было доктора спросить, он, может, рассказал бы: вишь, какой он добрый. — Ленька опять начал смотреть в окно.

— Гляди! — воскликнул он, — опять доктор идет назад — да, никак, сюда!

Действительно, дверь отворилась, вошел доктор и стал снимать шубу.

— Вы чего здесь, мальцы? — ласково спросил он, узнав своих новых знакомых.

— Одежду бабушкину велели здесь подождать.

— А!.. ну, я велю сейчас вынести, — сказал доктор и потрепал, проходя, Леньку по голове.

„Ой, уйдет сейчас, и про машинку никогда не узнаем!“ мелькнуло в голове у Леньки. Он вдруг схватил доктора за рукав.

— Дяденька, — умоляюще, жалобно протянул он, — дяденька доктор, скажите: а правда, что у вас есть такая машина, что человека в нее насквозь видно?

— А ты откуда о таких вещах знаешь? — удивился доктор.

— Мне Илюша сказал, а ему дядя Иван говорил... есть, вправду, дяденька? — Ленька смотрел на доктора снизу вверх, и глаза его, словно настойчиво спрашивая, заглядывали в глаза доктора.

— Очень уж нам с Илюшей знать охота, как же это так?..

— Больно вам с Илюшей знать охота! — шутливо передразнил доктор, — больно вы парни любопытные!!

Он помолчал немного, подумал, посмотрел на Илюшу, потом снова на Леньку и сказал решительно:

— Ладно, покажу вам, ребята, машину и бабушкину руку насквозь. Пойдемте за мной!

Мальчики сами не верили своей удаче. Они переглянулись и осторожно двинулись за доктором вверх по лестнице. Наверху встретила его Марья Поликарповна.

— Все готово! — сказала она доктору, — а вы здесь зачем? — удивленно протянула она, увидев сзади доктора двух ребятшек, нерешительно поднимавшихся по лестнице один за другим.

— Я, Марья Поликарповна, обещал им показать, как делают просвечивание. Интересный больно мальчонка, любознательный! — пояснил он Марье Поликарповне, — пусть узнает!

— Вы учите, что ли? — спросила она мальчиков.

— Я учусь в третьем отделении, а он еще нет, ему только-что с весны девятый-то пойдет, — пояснил Илюша.

— Ну, так ты в школе расскажи товарищам, что видел, коли тебе такое счастье выпало, — наставительно сказала Марья Поликарповна, — другим-то, может, никогда и увидеть не придется!

— Он, тетенька, расскажет! — ответил за брата Ленька, — он только здесь боится, а в школе он смелый.

— А ты, вот, везде смелый! — засмеялся доктор, — вот, погляжу, не струсишь ли у машины — она ведь в темной комнате стоит.

Все вошли в небольшую комнату, совершенно темную, где только чуть светилась лампочка. Оглядевшись, мальчики увидели бабушку, одетую в казенный халат, а посередине комнаты какой-то узенький шкаф. Доктор возился у стола.

— Встаньте здесь, в сторонке, и смотрите вот сюда, — доктор указал на светлую доску в шкапчике. Вот это и есть машина, что насквозь видит.

Мальчики вытянули шеи и старались получше рассмотреть — оказалось, что это был не шкаф, а только две доски, стоявшие одна рядом с другой; между ними ничего не было. Бабушкину больную руку Марья Поликарповна поместила между этими двумя досками.

— Начнем! — сказал доктор Марье Поликарповне, — а вы, ребята, чтобы ни слова, слышите? а то помешаете мне!

Мальчики прижались друг к другу и притаились, как мышки. Марья Поликарповна потушила лампу — стало темно, как в самую глубокую ночь. У мальчиков сердчишки так и колотились, немножко от страха, а главное, от ожидания тех чудес, что они сейчас увидят.

Что-то зашипело, и позади досок машины вспыхнула голубым светом длинная стеклянная трубочка.

— Смотрите сюда! — сказал доктор.

Он сидел и внимательно всматривался в переднюю доску, которая посветлела, стала точно прозрачная, и на ней начала вырисовываться рука, серая, неясная, с черными косточками внутри.

Не смея говорить, Ленька безжалостно тыкал Илюшу в бок, тискал за руку. Илюша вытянул шею и замер, зорко всматриваясь в чудесную доску.

— Поверни немного руку влево, бабушка! — сказал доктор.

Рука на доске шевельнулась; Ленька от волнения так стиснул Илюше плечо, что у того потом синяк был.

— Не так, голубушка, погоди, я сам тебе тихонько поверну, — сказал доктор.

И вот на светлой доске появилась еще одна рука, тоже неясная, с черными костями. Рука эта страшно шевелила костями пальцев, дотрагиваясь до бабушкиной неподвижной руки. Бабушка слегка застонала.

Ленька зажал плотно рукой рот, так он боялся, что не выдержит и вскрикнет: на шевелившейся руке, на одном пальце, было черное кольцо.

Машина перестала шуметь, свет погас, доска почернела, и все остались в полной темноте.

— Дайте свет,— приказал доктор.

Марья Поликарповна открыла дверь, в комнате немного посветлело.

— Ну, вытряхайтесь теперь в коридор, мальцы, я сейчас к вам выйду и объясню,— сказал доктор.

Вывела Марья Поликарповна и бабушку, поговорили с ней немного ребята у дверей.

— Я в третьей палате,— сказала бабушка,— коли что надо, запомните палату-то. Может, кто из нашей деревни в волость поедет, так пусть зайдут проведать!

Простилась бабушка еще раз и ушла по длинному коридору. Вышел доктор.

— Видели, где у бабушки рука сломана?

Мальчики переглянулись — нет, этого они не видели, они все смотрели на шевелившуюся руку в кольце.

— Ну, не беда! — усмехнулся доктор, — это надо мне видеть, не вам, а я видел.

Доктор присел на окно: мальчики

стояли напротив и смотрели на него, ожидая объяснений. Яркое солнце светило в окно и на полу коридора легла резкая черная тень от фигуры доктора.

— Видите, ребята, тень,— начал доктор,— отчего она?

Мальчики замялись — как объяснить? понятно, а не скажешь.

— Тень оттого, что лучи солнца через стекло окна проходят, а через меня нет. Кабы меня не было, лучи попали бы на пол, и пол был бы светлый, а я мешаю лучам пройти, они не попадают на пол, и пол в этом месте черный. Поняли?

Ребята безмолвно кивнули головами.

— От той лампочки голубой, что у машины, тоже идут лучи, но они могут пройти не только через стекло, но через дерево, через материю, через меня или через другого человека, только через кости не могут. Вот такие лучи проходили через руку бабушки насквозь, а через кости не проходили, и вышла тень от костей на доске. Я увидел по тени, которая косточка сломана, и где, и понял, как руку повернуть надо, чтобы концы косточки один против другого приšliсь. Если концы сложить неверно, они срастутся нехорошо, будет рука кривая. Ну, поняли, что ли? — спросил доктор.

— Поняли все — спасибо очень, товарищ доктор,— ответил Илюша.

— И ты понял? — спросил доктор Леньку, поднимая пальцем кверху его голову.

— Дяденька, — спросил вместо ответа Ленька, — глаза которого блестели от удовольствия и любопытства, — дяденька, а шевелилась-то там — это ваша рука?

— Моя.

— А на ней черное что-то было, в роде как кольцо?!

Доктор показал свою правую руку с обручальным кольцом.

— А вот оно!

— А ведь оно не костяное... как же? почему через него лучи-то эти не просквозили?

— Ах, вот что! я забыл сказать, что еще эти лучи не могут пройти через золото, серебро, железо, одним словом, через металлическое.

Все помолчали. Доктор привстал с окна и хотел, видимо, идти.

— Пстой, пстой, — торопливо заговорил опять Ленька, начав от волнения говорить доктору „ты“, — а ты сам эту машину выдумал?

Доктор усмехнулся.

— Нет, милый, не сам. Ее выдумал очень, очень умный человек; его звали Рентген.

— А можно самим такую машину сделать?

— Больно ты многого хочешь, — доктор совсем рассмеялся, — учись, малый, у тебя голова

хорошая. Может, вырастешь, так тоже какую-нибудь такую же полезную штуку выдумаешь.

По коридору к ним подходила сиделка с узлом, завязанным в бабушкину шаль.

— Вам, что ли, платье старушки со сломанной рукой?

— Нам, нам! — ответил Илюша.

— Поезжайте теперь домой, а я пойду к больным. Как звать тебя, приятель? — спросил доктор Леньку.

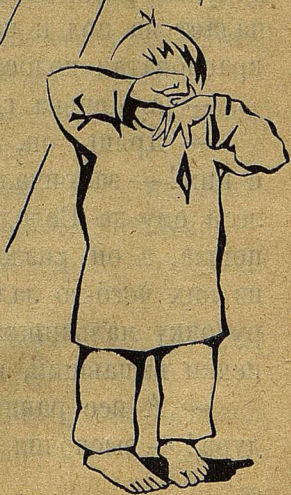
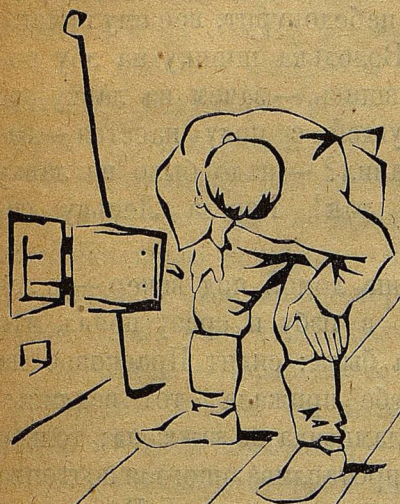
— Ленькой, Леонтием Мачтаковым.

— Ну, будем знакомы! Будешь к бабушке приезжать, заходи ко мне, — шутил доктор.

Мальчики поехали домой. Всю дорогу говорили они о чудесной машине; вот только никак не могли вспомнить, кто это ее выдумал... в роде, как Редькин или Репкин, а как — не запомнили.

Зажили без бабушки плохо. Не то, чтобы хуже в хозяйстве шло, а очень уж Паранька зазнаваться стала! Коли она старшая, да коли ей бабушка за младшими смотреть велела, так уж и фырчать надо?!

Зато Илюша с Ленькой никогда еще так дружно не жили. При бабушке частенько задавал Илюшка Леньке трепку или изводил Ленька Илюшку своим языком (силы-то у него на драку мало было!), а теперь друг за друга горой — все против Прасковьи! Илье меньше от нее попадало, потому что он в школе, а Ленька, бедный,

Доктор был очень доволен.

— Здорово ты это сделал, ловко! Хороший подарок, спасибо! Я ее на стол поставлю и, коли мне еще какому мальцу про кость объяснять придется, — покажу. А теперь скажи, где живешь, я летом сам к тебе в гости приду и погляжу кстати твоего братишку кривоного, посоветую, как сделать, чтобы у него в костях прибавилось того, что не гнется.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТР.

Бабушка Андрюша 3

Бабка 74

АРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

- Рассказы. Гришка-грохотун. Два шага. Кот-колоброд
сы. Рисунки В. Замирайло. Стр. 44. Ц. 60 к.
- Сказки. Перевод с английского. К. Чуковского. Стихи
еводе С. Маршака. С рисунками Е. Белухи. Стр. 96.
30 к.
- Р. Вот так сказки. Перевод с английского К. Чуковского.
Стихи в переводе С. Маршака. С 30 рисунками. Стр. 39.
Ц. 8 к.
- ова, М. Бубенцы. Сборник стихов. Рисунки М. Шервинской.
Стр. 41. Ц. 25 к.
- юрье, П. Жан-Бесхлебный. Перевод с французского М. Гершен-
зона. С рисунками. Стр. 36. Ц. 90 к.
- зная, Лидия. Джими Джой в гости к пионерам. Сказка. Ри-
сунки Б. Кустодиева. Стр. 15. Ц. 80 к.
- з, З. И. Ленин и юные ленинцы. Сборник. Рисунки Б. Кусто-
диева. Стр. 104. Ц. 50 к.
- а, З. И. Наш учитель Ленин. Книжка для детей. 6 рисунков
в тексте В. Белкина. Издание 3-е. Стр. 16. Ц. 15 к.
- апина, Н. Струйки. Рассказы. Рисунки В. Васильева. (Новая дет-
ская библиотека. Младш. и средн. возраст.) Стр. 104. Ц. 40 к.
- Лоттинг, Г. Приключения д-ра Дулиттля. Повесть. Перевод с ан-
глийского Л. Б. Хавкиной. Стр. 112. Ц. 45 к.
- Минаев, К. Назарка-Атаман. Рассказы. Рисунки А. Баранского.
(Новая детская библиотека. Младш. и средн. возраст.)
Стр. 80. Ц. 25 к.
- Минаев, К. Городские гости. Рисунки А. Баранского. Стр. 31. Ц. 6 к.
- Насмович, А. Стихи для детей. Рисунки А. Суворова и И. Фран-
цуза. Стр. 35. Ц. 40 к.
- Новиков, И. Машин огород. Рисунки П. Соболева. Ц. 50 к.
- Новиков, И. Полный ковш. Стихи для детей среднего возраста.
Обложка и украшения В. Литко. Стр. 63. Ц. 40 к.
- Орешин, П. Снегурочка. С рисунками В. Алексеева. Стр. 34. Ц. 60 к.
- Перес, Б. Книжкины бабушки. Рисунки Н. Пискарева. Издание 2-е.
(Новая детская библиотека. Младш. и средний возраст.)
Стр. 28. Ц. 15 к.
- Покровский, В. Унгарка. Рассказ. Изд. 2-е. (Новая детская библио-
тека. Средний возраст.) Стр. 30. Ц. 10 к.
- Смирнов, Н., и Г. и О. Чичаговы. Почему не было баранок. (Новая
детская библиотека. Младш. возраст.) Стр. 16. Ц. 30 к.
- Смирнов, Н., и Г. и О. Чичаговы. Путешествие Чарли. Рисунки
авторов. Издание 2-е. Стр. 24. Ц. 75 к.
- Сорокин, В. О Парижской Коммуне 1871 года. Беседа с пионерами.
(С рисунками.) Стр. 26. Ц. 15 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РС
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СБОРНИКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ВОЗРА
СОВЕТСКИЕ РЕБЯТА

В сборниках принимают участие лучшие современные писатели и художники.

ОТДЕЛЫ СБОРНИКОВ:

Рассказы, повести, романы и стихи лучших современных писателей.

Революционный календарь. Очерки и статьи на общественно-политические темы. Воспоминания, биографии, очерки истории революционного движения и т. п.

На заводах. Описание производства на крупнейших заводах фабриках СССР. В этом же отделе помещаются статьи под названием „Что ты можешь сделать сам“.

Клуб читателей. Полит-беседы. Рассказы, стихи, статьи и рисунки пионеров. Задачи, загадки, головоломки. Детская газета „ЗВЕНОВОЙ“.

НОТ пионера. Правила гигиены. Экономия времени. Работа по плану. Организация быта.

Юный селькор. Письма из деревни.

Лесная станция. Рассказы и стихи о жизни животных и растений. Охота. Уход за животными. Наблюдения юных натуралистов.

Лаборатория. Химия и физика для ребят.

Погляди на небо. Астрономические очерки.

Санитарная разведка. Как пионеру следить за своим здоровьем.

ВО (веселый отдел). Шутки, игры, загадочные картинки, живой кинематограф и пр.

ПЕРВЫЙ СБОРНИК

СОДЕРЖАНИЕ: Ленин. — Из пионерских стенгазет и журналов. Ленин маленький. — Статья З. И. Лилиной. Друг народа (Сун-Ят-Сен) — Рассказ Н. Тихонова, рис. Лапшина. Джарылгач. — Рассказ Бор. Житкова, рис. Н. Тырсы. Котовский (эпизод из гражданской войны). Рассказ В. Каверина, рис. А. Пахомова. 1905 ГОД. — Статья Ильи Груздева. Нот пионера. — Очерк Н. Олейникова. **Клуб читателей.** — Под ред. М. Свирицкого, рис. А. Самохвалова. **На заводах** (рис. В. Владимиров): а) Ленинградский оптический завод; б) Что ты можешь сделать сам — очерки В. Федоровича, под ред. В. Житкова. **Лесная станция.** — Вит. Бианки, фотогр. В. Преснякова, рис. О. Морозовой. **ВО (веселый отдел):** а) Сумасшедший фото-аппарат, б) До чего довел человека футбол. — Текст Евг. Шварца, в) Багаж. — Текст С. Маршака, рис. В. Лебедева. Многокрасочная обложка М. Цехановского.

Цена 1 руб. 20 коп.